Н. Абрамовъ.

ДАРЪ СЛОВА.

ВЫПУСКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ИСКУССТВО РАЗСУЖДАТЬ. (ЛОГИКА).

Глава I. Что такое логика?

Въ одномъ изъ предыдущихъ выпусковъ нашего изданія, говоря о соотношеніи языка и мысли, мы утверждали, что «нѣтъ языка безъ разума и нѣтъ разума безъ языка». Въ этомъ выпускѣ мы выразимся нѣсколько иначе: законы языка отражаютъ законы разума, и законы разума находятся подъ сильнымъ вліяніемъ законовъ языка. Ибо нельзя думать, что гдѣ-то, съ незапамятныхъ временъ существовала наука о мышленіи, «Логика», и что исторія логики показываетъ, какимъ образомъ законы этой вѣчной науки постепенно раскрывались, подобно, скажемъ, законамъ математики. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ни математики, ни логики, а есть неизмѣнныя отношенія между вещами, неизмѣнныхъ же познавательныхъ отношеній между мозгами и вещами не существуетъ. Всѣ дѣйствительныя привычки мышленія должны были развиваться, а такъ какъ было время, когда ни одинъ мозгъ на землѣ не думалъ, то привычки мышленія должны были тоже имѣть начало. И какъ человѣческій языкъ есть нѣчто между-человѣческое, такъ и мышленіе есть тоже нѣчто между-человѣческое, относительное.

Думалъ человѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ. Мышленіе человѣка поднялось надъ мышленіемъ животнаго, когда онъ началъ складывать съ своей памяти, при помощи голосовыхъ знаковъ, сдѣланныя имъ наблюденія о вещахъ сходныхъ. Въ словахъ «скотъ», «звѣрь» заключалась уже масса матеріала, надъ которымъ позднѣйшая логика могла упражняться. До образованія языка, мышленія—въ человѣческомъ смыслѣ—не было, но было мышленіе до появленія написанной на греческомъ языкѣ «Логики», и мышленіе это было ничуть не хуже того, которое замѣчалось по написаніи ея. Наши важнѣйшія познанія природы происходятъ именно отъ того времени, когда люди мыслили, не имѣя написанной Логики.

Исторія греческой логики до Аристотеля есть исторія риторики. Софисты были на практикѣ, какъ и въ теоріи, риториками. Одному изъ самыхъ знаменитыхъ среди нихъ, остроум-

ному Горгію, ничего не стоило озаглавить свое сочиненіе: «О несуществующемъ или о природѣ». Сократъ никогда не думалъ о логикѣ, какъ объ искусствѣ мышленія, но онъ невинно и безъ заднихъ мыслей, какъ ребенокъ, притворялся непонимающимъ значенія словъ и каждый разъ спрашивалъ: что это значитъ? Въ томъ то и состояла его иронія, что онъ хорошо зналъ, что въ своемъ честномъ незнаніи онъ превосходитъ мнимое знаніе другихъ. Онъ отвернулся отъ субъективнаго остроумія другихъ софистовъ и при каждомъ словѣ хотѣлъ изслѣдовать, что люди при этомъ себѣ представляютъ, обращаясь такимъ образомъ отъ словъ языка къ представленіямъ.

Еще до Аристотеля различали три рода мышленія: 1) *аподиктическое* или доказательное, построенное на абсолютно извѣстныхъ принципахъ; это мышленіе выдвигаетъ только вѣчныя истины; 2) *діалектическое* мышленіе, которое исходитъ изъ мнѣнія даннаго лица и старается убѣдить только участника бесѣды; оно обнаруживаетъ только правдоподобное; 3) *софистическое* мышленіе, которое сознательно старается доказать неистинное. Софистика откидывается какъ злоупотребленіе логики, для аподиктики же и діалектики общимъ орудіемъ признается языкъ,—и въ этомъ весь дефектъ логики. Ибо одно и то же орудіе—языкъ—не можетъ годиться одинъ разъ для отысканія истины а другой—для приближенія къ ней, одинъ разъ для нахожденія въ основахъ послѣдней сущности вещей, а другой разъ только для недостаточнаго представленія. То, что теперь именуется логикой, принадлежитъ къ области мышленія діалектическаго.

Никто какъ Аристотель, такъ серьезно не относился къ спору и словахъ. Аристотель — признанный предшественникъ схоластиковъ. И онъ въ предложеніи: «изъ ничего создалъ Богъ міръ» объяснилъ бы слово «ничего» реальнымъ матеріаломъ мірозданія. Однако самъ Аристотель не считалъ свою логику руководствомъ для ускоренія мыслительнаго дѣла, чѣмъ логика признавалась тотчасъ послѣ ея основанія, да и теперь нерѣдко признается въ школахъ. Аристотель явно не собирался въ своей логикѣ отвѣчать на вопросъ: какъ должны мы мыслить; онъ скорѣе хотѣлъ объяснить: какъ мы мыслимъ.

Мышленіе было для него реальнымъ объектомъ изслѣдованія, и величайшей его ошибкой было то, что онъ признавалъ слова за сущности и даже видѣлъ въ выраженіяхъ, обозначавшихъ его представленія и жизни духа, реальныя силы. Теперь мы далеко ушли отъ времени Аристотеля и даже сомнѣваемся въ возможности передачи мыслей посредствомъ языка. Теперь мы знаемъ не только, что познаніе достигается исключительно путемъ наблюденій, но и то, что всѣ слова языка суть только возникшіе изъ поэтическихъ образовъ знаки ощущеній или наблюденій. Живое слово, которое мы слышимъ, есть только мне-

моническій, вспоминательный знакъ для нашихъ представленій. Если то же слово употребитъ какъ знакъ для своихъ ощущеній человѣкъ, ощущенія котораго отличаются отъ нашихъ, то мы или совсѣмъ его не поймемъ, или поймемъ ложно. Люди, знающіе нѣсколько языковъ, знаютъ по опыту, что нельзя полагаться на словоупотребленіе и дѣлать выводы изъ выраженій, принятыхъ въ томъ или другомъ языкѣ, это будетъ игра словъ, относящаяся къ области остроумія, а не науки.

Логика Аристотеля и есть такая игра словъ. Она не ведетъ и никогда не вела ни къ какимъ новымъ познаніямъ. Она устанавливаетъ методы для полученія выводовъ, правильныхъ по формѣ, подобно тому какъ математика устанавливаетъ методы для быстраго рѣшенія задачъ. И такъ какъ остроуміе въ нихъ развитое, превосходитъ мышленіе средняго человѣка, и многіе еще досель восторгаются пестрымъ фейерверкомъ логическихъ «законовъ» и умозаключеній, и кромѣ того въ массѣ схоластики встрѣчаются и здравыя мысли, да и самая систематичность наложенія дисциплинируетъ умъ и позволяетъ легче открыть ошибку, то мы ихъ и дадимъ въ этомъ выпускѣ, хотя, по настоящему, они относятся къ выпуску IV, «Искусству острить».

Глава II. **Законы логики.**

1. *Законъ тождества.* $A = A$. Сократъ есть Сократъ. На всемъ протяженіи разсужденія мы подъ «Сократомъ» должны разумѣть одно и то же лицо. Это—аксіома и тутъ, повидимому, нечего доказывать, однако и этотъ основной законъ мышленія подвергается сомнѣнію въ виду того, что природа не знаетъ совершеннаго тождества двухъ предметовъ или даже одного и того же предмета въ разное время. Въ природѣ все измѣнчиво, все течетъ. Я говорю о двухъ аршинахъ извѣстной матеріи, но въ природѣ нѣтъ такого, постоянно себѣ равнаго, предмета какъ 2 аршина данной матеріи.

Ибо я два раза покупаю въ одномъ и томъ же магазинѣ по два аршина одной и той же матеріи, и оба раза получаю вещи разной длины и разнаго содержанія, потому что желѣзный аршинъ, которымъ матерія отмѣрялась представляетъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ разную длину, такъ какъ измѣняется подъ вліяніемъ температуры, да и самая матерія можетъ быть по разнымъ неуловимымъ причинамъ натянута больше и меньше, помимо того, что матеріалъ постоянно подвергается вліянію влажности, свѣта и т. д. И даже объ одной покупкѣ я разсуждать не могу, потому что матерія вѣчно мѣняется и принесенная домой уже отличается отъ оставшейся въ магазинѣ. И такъ какъ причинъ, вліяющихъ на измѣненіе

предмета, безчисленное множество, то нѣтъ возможности и внести какія либо поправки для возстановленія тождества. Такимъ образомъ, законъ тождества, при всей его кажущейся аксіоматичности, не можетъ имѣть большого значенія для строгой логики, тѣмъ болѣе, что нѣтъ неизмѣнныхъ принциповъ, неподвижныхъ точекъ бытія, къ которымъ все можно было бы свести и которыми можно было бы все измѣрять. Въ жизни и просторѣчіи мы простое сходство называемъ тождествомъ, пренебрегая мелкими различіями.

2. *Законъ противорѣчія*. А есть только А и не можетъ быть одновременно и А и не А. Въ два часа ночи со 2-го на 3-е января Ивановъ разговаривалъ въ спальномъ вагонѣ со своимъ спутникомъ Сидоровымъ; онъ его какъ разъ спросилъ, который часъ, и были они на разстояніи трехъ часовъ ѣзды отъ Петербурга, ибо выѣхали въ одиннадцать; слѣдовательно, Ивановъ не есть виновникъ убійства, совершеннаго въ это время на Невскомъ, хотя бы противъ него было сто уликъ; онъ доказалъ свое алиби (alibi). Въ геометріи часто прибѣгаютъ для доказательства къ закону противорѣчія. Нужно, напримѣръ, доказать, что всѣ прямые углы между собою равны. Допустимъ, что изъ двухъ прямыхъ угловъ, одинъ меньше другого, мы при извѣстномъ наложеніи одного на другой приходимъ къ нелѣпому выводу, что одна и та же прямая пойдетъ по двумъ направленіямъ. Это—доказательство отъ противнаго, приведеніе къ абсурду (reductio ad absurdum), доказывающее, что допущенное предположеніе невѣрно.

Конечно, законъ противорѣчія имѣетъ примѣненіе только при тождествѣ понятій, т. е. когда Ивановъ, доказывающій свое алиби, тождественъ съ Ивановымъ спальнаго вагона и когда счетъ часовъ ведется по одному и тому же меридіану и число мѣсяца — одного и того же стиля. Первоначальная формулировка закона противорѣчія такова: «противорѣчивыя утвержденія не могутъ быть оба истинны относительно одного и того же предмета въ одно и то же время въ одномъ и томъ же смыслѣ». Такъ какъ мы выше уже говорили, что тождества нѣтъ, то и законъ противорѣчія не можетъ претендовать на абсолютное значеніе.

3. *Законъ исключеннаго третьяго*. Всякая вещь есть или А или не А, она не можетъ быть что-то третье, среднее между ними. Законъ тождества требуетъ, чтобы на всемъ протяженіи нашего разсужденія мы одному и тому же предмету приписывали одни и тѣ же признаки. Законъ противорѣчія требуетъ, чтобы мы не приписывали одному и тому же предмету и не отрицали у него одновременно одного и того же признака. Законъ исключеннаго третьяго требуетъ, чтобы мы непремѣнно или приписывали или отрицали данный признакъ у предмета: онъ или тутъ или не тутъ, или бѣлъ, или не бѣлъ. Не трудно

видѣть, что мы со всѣми этими законами логики топчемся на одномъ мѣстѣ, нисколько не подвигаясь впередъ: если А есть А, то оно не можетъ быть ни чѣмъ нибудь другимъ, ни чѣмъ нибудь третьимъ. Нѣкоторые логики отрицаютъ надобность третьяго закона. Они говорятъ: по закону противорѣчія вещь не можетъ быть одновременно въ А и въ не-А, слѣдовательно, весь міръ дѣлится на двѣ неравныя части: А и не-А. Въ какой нибудь изъ этихъ частей данная вещь и находится, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, напримѣръ въ В, мыслить ее нельзя, потому что В входитъ въ понятіе не-А.

Когда мы говорили о недостаткахъ логическихъ законовъ, мы не принимали во вниманіе дефектовъ языка, словеснаго выраженія мыслей, а между тѣмъ языкъ, съ которымъ логика только и имѣетъ дѣло, есть самый непримиримый врагъ всякихъ логическихъ законовъ. Мы можемъ, не нарушая логики, на одинъ и тотъ же вопросъ въ одно и то же время отвѣтить и да и нѣтъ. «Довольны ли вы своей поѣздкой? Хорошо ли я поступилъ? Правильно ли онъ передалъ?—И да и нѣтъ». Это оттого, что самый вопросъ не логиченъ, что понятія «поѣздка», «поступокъ», «рѣчь» заключаютъ въ себѣ разные элементы, требующіе разныхъ отвѣтовъ, и только случайно объединенные однимъ общимъ словомъ. Кромѣ того самыя слова языка часто имѣютъ относительный смыслъ въ зависимости отъ среды, времени, лица и другихъ причинъ: человѣкъ «богатый» въ деревнѣ можетъ оказаться сущимъ бѣднякомъ въ столичной обстановкѣ; «ученый» оріенталистъ можетъ быть «неучемъ» въ химіи; когда мы говоримъ: «это не очень умный человѣкъ», то мы въ сущности хотимъ сказать: «глупый человѣкъ», и такъ насъ понимаютъ; выраженія «мошенникъ», «шельма», «подлецъ» употребляются иными людьми въ похвальномъ смыслѣ, наконецъ, многія слова имѣютъ прямо нѣсколько значеній, иногда сливающихся въ нашемъ сознаніи,—и все это крайне затрудняетъ примѣненіе логическихъ законовъ и обезцѣниваетъ ихъ значеніе.

4. *Законъ достаточнаго основанія*. Каждая мысль должна имѣть свое основаніе, ни одна не можетъ обойтись безъ связи съ другими, которыя ее логически обосновываютъ. Этотъ законъ, формулированный уже послѣ Аристотеля, заключаетъ въ себѣ весьма здравую мысль. Примѣненіе этого закона придаетъ столь стройный и привлекательный характеръ геометріи, въ которой одно положеніе логически выводится изъ другого, а въ основаніи имѣется нѣсколько незыблемыхъ аксіомъ, принимаемыхъ разумомъ по необходимости. Менѣе примѣнимъ этотъ законъ къ самой логикѣ, которая такихъ аксіомъ не имѣетъ и поэтому принуждена довольствоваться основаніями недостаточными и оставаться въ формальныхъ предѣлахъ. Однако и въ этихъ предѣлахъ законъ этотъ довольно важенъ. Такъ называемая, женская логика, о которой говоритъ Тургеневъ и есть

классическій образецъ нарушенія закона достаточнаго основанія. «Какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Вотъ какая: мужчина можетъ, напримѣръ, сказать, что дважды два не четыре, а пять или три съ половиною; а женщина скажетъ, что дважды два—стеариновая свѣчка».

У Гоголя примѣръ такого нарушенія закона достаточнаго основанія имѣемъ въ разговорѣ дамы просто пріятной съ дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ. Дамы обсуждали вопросъ о распространившемся слухѣ, что Чичиковъ скупаетъ мертвыя души.

«Это однако жъ странно, сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама: что бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души, а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что нибудь, вѣрно же, есть.

— Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это.

— Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что то другое.

— Я, признаюсь, тоже,—произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой: А что жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?

— Ну какъ вы думаете?

— Какъ я думаю? Я, признаюсь, совершенно потеряна.

— Но однако жъ я бы все хотѣла знать, какія ваши на счетъ этого мысли?

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать.

— Ну слушайте же, что такое эти мертвыя души,—сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостья при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою...

— Мертвыя души...—произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

— Что, что?—подхватила гостья вся въ волненіи.

— Мертвыя души...

— Ахъ, говорите ради Бога!

— Это просто выдумано только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку.—

Это заключеніе, точно, было никакъ не ожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла какъ смерть и точно встревожилась не на шутку.— Ахъ, Боже мой, вскрикнула она, всплеснувъ руками: уже этого я бы никакъ не могла предполагать.

— А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула въ чемъ дѣло,— отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ».

Глава III. Логическіе выводы.

Работа мысли состоитъ не столько въ воспріятіи слышаннаго, сколько въ образованіи выводовъ изъ слышаннаго и видѣннаго. Какъ при рѣшеніи математической задачи мы по нѣсколькимъ даннымъ находимъ новое, такъ и въ мышленіи задача состоитъ въ томъ, чтобы по нѣкоторымъ даннымъ о предметѣ познать весь предметъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя стороны его, остающіяся для насъ закрытыми. Опытъ учитъ насъ, что въ мірѣ все между собою связано, все существующее и совершающееся подчинено неизмѣннымъ законамъ, ничто не существуетъ обособленно и самостоятельно. Это и даетъ намъ возможность по извѣстнымъ даннымъ заключать о неизвѣстномъ. Логика знаетъ и разбираетъ три способа умозаключенія: *дедукцію, индукцію и аналогію.*

Дедукція (deductio — выводъ) заключаетъ обыкновенно отъ общаго къ частному. Всѣ люди смертны; Сократъ — человѣкъ; слѣдовательно, Сократъ смертенъ. Выводъ совершенно вѣренъ и вытекаетъ изъ перваго положенія съ логической необходимостью, но онъ не только не расширилъ нашихъ познаній, а еще сузилъ ихъ; далъ меньше, чѣмъ мы уже знаемъ: мы знаемъ, что всѣ люди смертны, слѣдовательно, въ томъ числѣ и Сократъ, а онъ указываетъ намъ только, что Сократъ смертенъ.

Если бы дедукція исходила только отъ общаго къ частному то она была бы чистой схоластикой, можетъ быть, полезной для слабой памяти умственно отсталаго человѣка, но для науки никакого значенія не имѣющей.

Однако нѣкоторые логики указываютъ, что дедукція можетъ восходить и отъ частнаго къ общему, и тогда она значительно расширяетъ наши познанія.

Такъ, въ геометріи доказывается (изъ теоріи параллельныхъ линій), что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ, а такъ какъ каждый многоугольникъ можетъ быть разбитъ діагоналями, проведенными изъ одной его вершины, на треугольники, и число послѣднихъ равняется числу сторонъ безъ двухъ, то сумма угловъ всякаго многоугольника будетъ равняться 2d (n—2). Эта формула общѣе формулы для суммы угловъ треугольника, который разсматривается только какъ частный случай многоугольника. Также и въ другихъ геометрическихъ теоремахъ мы замѣчаемъ этотъ процессъ обобщенія какого-либо закона путемъ дедукціи: сначала изучается частный случай, и затѣмъ всѣ случаи сводятся къ этому и получается новый болѣе широкій законъ. Въ этомъ и заключается прогрессъ всякой науки, и геометріи и алгебры и физики и химіи: то, что раньше измѣрялось эмпирически, на

опытѣ, каждый разъ повторяемомъ, то теперь благодаря общему закону совершается путемъ простѣйшаго вычисленія.

Индукція (inductio—наведеніе) восходитъ отъ частныхъ случаевъ къ общему закону. Извѣстный признакъ усматривается у всѣхъ особей какого-либо класса и затѣмъ дѣлается заключеніе, что весь классъ обладаетъ этимъ признакомъ. Если бы данный признакъ оказывался у всѣхъ безъ исключенія особей даннаго класса, то тутъ никакого вывода бы не было, это было бы просто констатированіе факта, но этого обыкновенно не бываетъ, и по индукціи умозаключеніе строится такъ: если всякій разъ, когда производилось наблюденіе при извѣстныхъ условіяхъ, происходило извѣстное явленіе, то оно при тѣхъ же условіяхъ происходитъ всегда. На индукціи основано громадное большинство законовъ физики. Такъ, изъ того факта, что всякій разъ, какъ тѣла погружались въ воду, они теряли въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣситъ вытѣсненная ими вода, Архимедъ построилъ свой извѣстный законъ. Легко видѣть, что умозаключенія, построенныя способомъ индуктивнымъ, расширяютъ наши познанія, но зато не имѣютъ того принудительнаго для нашего разума характера, какой имѣютъ умозаключенія дедуктивныя: что выигрывается въ плодотворности, то проигрывается въ достовѣрности.

Гипотезы (предположенія) являются постояннымъ продуктомъ индукціи: мыслитель во всѣхъ извѣстныхъ ему случаяхъ замѣчаетъ связь между двумя явленіями и строитъ предположеніе, что эта связь постоянна, послѣ чего идетъ дальше и отыскиваетъ въ окружающей дѣйствительности вѣроятную причину этихъ явленій, и такимъ образомъ создается гипотеза: затѣмъ производятся наблюденія и опыты, и гипотеза или подтверждается или отрицается. Такимъ путемъ развивались всѣ науки. Сначала индуктивнымъ способомъ доходили до извѣстныхъ гипотезъ, гипотезы подтверждались рядомъ наблюденій и опытовъ, устанавливался законъ и изъ него дѣлались извѣстные выводы способомъ дедуктивнымъ.

Аналогія исходитъ изъ подобія явленій: если одинъ предметъ подобенъ другому во многихъ извѣстныхъ намъ свойствахъ, то предполагается, что онъ подобенъ ему и въ свойствахъ намъ неизвѣстныхъ. Приводятъ такой примѣръ аналогіи. Зоологъ нашелъ челюсть неизвѣстнаго животнаго. Онъ по строенію челюсти и зубовъ опредѣляетъ, какого рода пищу и въ какомъ количествѣ употребляло это животное, а затѣмъ возстанавливаетъ строеніе желудка, всего кишечника и другихъ органовъ этого животнаго. Легко понять, что его выводъ будетъ лишь вѣроятенъ, такъ какъ нельзя выразить математически точно отношеніе между челюстью и желудкомъ животнаго, а также между желудкомъ и другими органами его, но въ математикѣ способъ аналогіи даетъ выводы совершенно точные. Такъ, въ

геометрiи теорiя подобныхъ фигуръ и тѣлъ даетъ весьма важные результаты. Многiе ученые считаютъ аналогiю плохимъ руководителемъ въ явленiяхъ органическаго и соцiальнаго мiра, такъ какъ понятiе сходства тутъ слишкомъ субъективно.

Глава IV. **Силлогизмъ.**

Силлогизмъ есть такое сочетанiе трехъ сужденiй, гдѣ третье вытекаетъ съ необходимостью изъ первыхъ двухъ. Третье сужденiе называется «заключенiемъ силлогизма», а первыя два—«посылками». Въ силлогизмѣ должно быть не больше и не меньше трехъ понятiй. Такъ въ силлогизмѣ: «всѣ люди смертны, Сократъ человѣкъ», имѣемъ три сужденiя и три понятiя: люди, смертность, Сократъ. Если бы было четыре понятiя, напримѣръ, люди смертны, Сократъ мудръ, то изъ нихъ никакого вывода сдѣлать нельзя было бы. Если посылки силлогизма заключаютъ въ себѣ только два понятiя, то онѣ тождественны, и никакого вывода не даютъ. Чтобы изъ двухъ сужденiй можно было вывести третье, надо чтобы они имѣли три понятiя, т. е. чтобы одно повторялось въ обоихъ сужденiяхъ; при помощи этого третьяго понятiя устанавливается связь между двумя первыми, которая и образуетъ заключенiе силлогизма. Это понятiе называется «среднимъ терминомъ». То понятiе, которое въ заключенiи является сказуемымъ, называется «большимъ терминомъ», а то, которое является подлежащимъ, называется «меньшимъ терминомъ». Посылка съ большимъ терминомъ называется «большею», а съ меньшимъ—«меньшею». Сужденiя бываютъ: «общеутвердительныя», когда дѣлается утвержденiе о всѣхъ случаяхъ извѣстнаго рода, «частноутвердительныя», когда утвержденiе касается только нѣкоторыхъ случаевъ, «общеотрицательныя» и «частноотрицательныя». Въ средние вѣка придумали для всѣхъ этихъ родовъ сужденiй буквенныя обозначенiя: А и I—для сужденiй утвердительныхъ (это первыя гласныя буквы слова affirmo—«утверждаю») Е и О для сужденiй отрицательныхъ (отъ слова nego—«отрицаю»). Ясно, что когда отношенiе понятiй къ среднему термину отрицательное, то никакого вывода сдѣлать нельзя. «Собака не человѣкъ, звѣрь не человѣкъ». Взаимоотношенiе между собакой и звѣремъ остается неопредѣленнымъ. Тутъ средний терминъ въ обоихъ посылкахъ сказуемое. Но можно придумать такiя два сужденiя, гдѣ средний терминъ будетъ въ первой подлежащимъ, а во второй сказуемымъ: «Люди не ангелы, обезьяны—не люди»; тутъ также никакого вывода сдѣлать нельзя. Равнымъ образомъ, нельзя будетъ сдѣлать вывода изъ двухъ общеотрицательныхъ сужденiй (т. е. типа Е), если средний терминъ будетъ въ обоихъ посылкахъ подлежащимъ или въ первой сказуемымъ, а во второй подлежащимъ. Не получится никакого вывода и въ томъ случаѣ, если будемъ брать сужденiя типа О. Изъ того, что «нѣ-

которые люди скупы, а нѣкоторые люди—генiи», никакого заключенiя построить нельзя. Вообще доказано, что не даютъ никакого вывода сочетанiя сужденiй типовъ E и E, E и O, I и I, I и O. Для полученiя вывода требуется, чтобы по крайней мѣрѣ одна посылка была общей и одна была утвердительной, потому что изъ двухъ отрицательныхъ и изъ двухъ частныхъ не слѣдуетъ никакого вывода.

Если четыре типа сужденiй мы будемъ соединять по два (на первомъ мѣстѣ считается посылка большая, а на второмъ мѣстѣ меньшая), то получимъ шестнадцать возможныхъ комбинацiй:

AA,	EA,	IA,	OA
AE,	EE,	IE,	OE
AI,	EI,	II,	OI
AO,	EO,	IO,	OO.

Средний терминъ обозначается у логиковъ буквой M (medius—средний); то понятiе, которое въ заключенiи становится сказуемымъ обозначается буквой P (praedicatum), то, которое въ заключенiи является подлежащимъ, обозначается буквой S (subjectum). Сообразно съ разнымъ положенiемъ средняго термина различаютъ четыре фигуры силлогизма:

MP	PM	MP	PM
SM	SM	MS	MS

Первая фигура. Мы видѣли, что изъ 16 комбинацiй посылокъ восемь совсѣмъ невозможны, но изъ оставшихся восьми въ первой фигурѣ невозможны еще тѣ, гдѣ большая посылка есть сужденiе частное, а меньшая сужденiе отрицательное, т. е. невозможны комбинацiи IA, OA, AE и AO. Остаются, такимъ образомъ, только четыре комбинацiи AA, EA, AI и EI. Въ средние вѣка дали этимъ комбинацiямъ названiя: Barbara, Celarent, Darii и Ferio *).

---

*) Для болѣе легкаго запоминанiя всѣхъ возможныхъ комбинацiй, придумали въ средние вѣка довольно остроумное стихотворенiе, состоящее изъ пяти гекзаметровъ, показывающее, и сколько модусовъ, т. е. комбинацiй посылокъ возможно отъ каждой фигуры, и каковы онѣ, и каковы умозаключенiя, и какъ доказывается вѣрность силлогизма. Вотъ оно:

Barbara, Celarent, Darii, Ferioque prioris;
Cesare, Camestres, Festino, Baroko, secundae;
Tertia, Darapti, Disamis, Datisi, Felapton,
Bokardo, Ferisoque habet; quarta insuper addit
Bramantip, Camenes, Dimaris (или: Bamalis, Calemes, Dimatis), Fesapo, Fresison.

(т. е. отъ первой фигуры имѣемъ: Barbara, Celarent, Darii и Ferio; отъ второй: Cesare, Camestres, Festino и Baroko; третья даетъ Darapti, Disamis, Datisi, Felapton, Bokardo и Feriso; четвертая къ этому прибавляетъ: Bramantip, Camenes, Dimaris, Fesapo, Fresison. Три гласные каждаго слова обозначаютъ характеръ большей посылки, меньшей посылки и заключенiя (A, J, E или O); первая согласная (B, C, D или F) показываетъ, къ какому модусу первой фигуры приводится данный силлогизмъ; буквы s, m, p и k показываютъ, какъ онъ приводится; буквы d, l, n, r и t значенiя не имѣютъ и поставлены только для размѣра.

Barbara. Всѣ люди ошибаются, ученые—люди, слѣдовательно, ученые ошибаются. Иванъ побѣждаетъ тебя, я побѣждаю Ивана, тѣмъ болѣе побѣжду тебя (a fortiori).

Celarent. Цвѣтныя расы не цивилизованы, индусы принадлежатъ къ одной изъ цвѣтныхъ расъ, слѣдовательно, индусы не цивилизованы.

Darii. Грибы суть растенія, нѣкоторые яды суть грибы, слѣдовательно, нѣкоторые яды суть растенія.

Ferio. Грѣхи не позволительны, нѣкоторые поступки—грѣхи, слѣдовательно, нѣкоторые поступки не позволительны.

Вторая фигура. Кромѣ восьми невозможныхъ вообще комбинацій въ этой фигурѣ недопустимы комбинаціи, въ которыхъ большая посылка—частная или обѣ утвердительныя. Остаются четыре комбинаціи, обозначаемыя словами: Cesare, Camestres, Festino, Baroko. Заключенія во всѣхъ комбинаціяхъ этой фигуры—отрицательныя.

Cesare. Поступки, совершенные въ состояніи аффекта, не могутъ быть названы обдуманными, добродѣтели—обдуманны, слѣдовательно, добродѣтели не аффекты.

Camestres. Всѣ исповѣдующіе еврейство принадлежатъ къ бѣлой расѣ, изъ негровъ же никто къ этой расѣ ■ принадлежитъ, слѣдовательно, ни одинъ негръ не исповѣдуетъ еврейства.

Festino. Честолюбцы не лѣнивы, нѣкоторые богачи лѣнивы, слѣдовательно, не всѣ богачи честолюбивы.

Baroko. Гордецы—плохіе товарищи, нѣкоторыхъ изъ учениковъ нельзя назвать плохими товарищами, слѣдовательно, нѣкоторые ученики не горды.

Буква С въ началѣ названій Cesare и Camestres показываетъ, что эти силлогизмы можно для провѣрки привести къ типу Celarent первой фигуры, а именно въ модусѣ Cesare просто обративъ первую посылку (на это указываетъ s *) послѣ e), а въ модусѣ, Camestres перемѣстивъ посылки (на это указываетъ буква ■ *) и обративъ меньшую посылку (какъ показываетъ s послѣ второго e). Совершивъ предписанныя манипуляціи, получимъ: «Обдуманные поступки нельзя назвать совершенными въ состояніи аффекта, добродѣтели—обдуманны, слѣдовательно, добродѣтели не аффекты». «Ни одинъ бѣлый не принадлежитъ къ неграмъ, всѣ исповѣдующіе еврейство—бѣлы, слѣдовательно, никто изъ исповѣдующихъ еврейство не принадлежитъ къ неграмъ».

Въ модусѣ Festino путемъ простого обращенія первой по-

---

*) S—есть первая буква слова simplex („простой") подразумѣвается conversio („обращеніе"); „простое обращеніе" производится такъ: вмѣсто „ни одно P не содержится въ M", ставится: „ни одно ■ не содержится въ P".

*) M означаетъ—metathesis praemissarum („перемѣщеніе посылокъ").

сылки получаемъ Ferio: «Лѣнтяи не честолюбивы, нѣкоторые богачи лѣнивы, слѣдовательно, не всѣ богачи честолюбивы».

Baroko приводится къ Barbara, причемъ k указываетъ, что оспариваніе вывода приводитъ къ абсурду (contradictio—противорѣчіе); кто оспариваетъ правильность вывода, что «нѣкоторые ученики не горды», долженъ допустить, что «всѣ ученики горды», и соединивъ это утвержденіе съ первой посылкой, получаемъ Barbara: «Гордецы плохіе товарищи, всѣ ученики горды, слѣдовательно, всѣ они—плохіе товарищи», что противорѣчитъ меньшей посылкѣ.

Третья фигура. Тутъ меньшая посылка не можетъ быть отрицательной, такъ что имѣемъ шесть модусовъ.

Darapti. «Киты—животныя млекопитающія, киты—морскія животныя, слѣдовательно, нѣкоторыя морскія животныя—млекопитающія». Приводится къ Darii: «Киты—млекопитающія, къ морскимъ животнымъ принадлежатъ киты *), слѣдовательно, нѣкоторыя морскія животныя—млекопитающія».

Felapton. «Кенгуру не водятся въ Россіи, кенгуру—животныя млекопитающія, слѣдовательно, нѣкоторыя млекопитающія не водятся въ Россіи». Приводится съ ограничительнымъ обращеніемъ второй посылки къ модусу Ferio: «Кенгуру не водятся въ Россіи, къ млекопитающимъ принадлежатъ кенгуру, слѣдовательно, нѣкоторыя млекопитающія не водятся въ Россіи».

Disamis. Нѣкоторыя рыбы летаютъ, рыбы живутъ въ водѣ, слѣдовательно, нѣкоторыя существа, живущія въ водѣ, летаютъ.

Datisi. Всѣ боровшіеся за освобожденіе негровъ дѣлали славное дѣло; нѣкоторые изъ нихъ дѣйствовали по своекорыстнымъ разсчетамъ, слѣдовательно, нѣкоторые, дѣйствовавшіе по своекорыстнымъ разсчетамъ, дѣлали славное дѣло.

Bokardo. Нѣкоторые монахи не исполняютъ требованій самой элементарной нравственности, всѣ монахи обѣщали исполненіе самыхъ высокихъ нравственныхъ требованій, слѣдовательно, нѣкоторые, обѣщавшіе исполненіе самыхъ высокихъ нравственныхъ требованій, не исполняютъ требованій самой элементарной нравственности.

Feriso. Ни одинъ человѣкъ не прожилъ жизнь безгрѣшно, нѣкоторые люди достигали святости, слѣдовательно, нѣкоторые святые не прожили жизнь безгрѣшно.

Четвертая фигура. Положеніе средняго термина требуетъ, чтобы ни одна посылка не принадлежала къ типу O, а при большей посылкѣ типа A меньшая не можетъ быть типа I. Такъ что остается пять модусовъ.

Bramantip (или *Bamalip*.) Шерстяныя одежды поддерживаютъ тепло въ тѣлѣ; предметы, поддерживающіе тепло, дурные про-

*) На обращеніе съ ограниченіемъ и указываетъ буква p (per accidens); для большей схематичности надо бы сказать: „нѣкоторыя морскія животныя—киты"

водники тепла; слѣдовательно, нѣкоторые дурные проводники суть одежды изъ шерсти.

Camenes (или: *Calemes*). Истинный христіанинъ прощаетъ своихъ враговъ; прощающій своихъ враговъ не вредитъ имъ; слѣдовательно, кто вредитъ своимъ врагамъ, тотъ—не истинный христіанинъ.

Dimaris (или: *Dimatis*). Пріятное иногда предосудительно, а предосудительное всегда вредно; слѣдовательно, вредное иногда пріятно.

Fesapo. Скромные не высокомѣрны, а всѣ высокомѣрные—глупы; слѣдовательно, нѣкоторые глупцы нескромны.

Fresison. Лицо не есть вещь, нѣкоторыя вещи драгоцѣнны, слѣдовательно, нѣчто драгоцѣнное не есть лицо.

Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ силлогизмовъ показываетъ, что только первая фигура нѣсколько приближается къ обычному здравому мышленію (недаромъ всѣ остальныя приводятся къ ней), но и она неестественна, ибо страшно упрощаетъ дѣло, представляя сужденіе состоящимъ только изъ подлежащаго и сказуемаго, и притомъ слишкомъ много считается съ грамматическими построеніями, тогда какъ грамматическое подлежащее часто не совпадаетъ съ настоящимъ, а грамматическое отрицаніе—часто замаскированное утвержденіе и наоборотъ.

Глава V. Софизмы.

Конечно, силлогизмъ есть только простѣйшій элементъ мысли, къ тому еще часто сокращаемый (путемъ опущенія той или другой посылки) или сжимаемый; въ нашихъ разсужденіяхъ, даже самыхъ простыхъ, силлогизмы обыкновенно вступаютъ въ соединеніе, заключеніе одного силлогизма является посылкою для другого, и получается цѣлая цѣпь силлогизмовъ, раскрытіе которой иногда чрезвычайно затруднительно. Позволительно сомнѣваться, чтобы процессъ мысли дѣйствительно совершался подобнымъ образомъ, во всякомъ случаѣ Аристотелева теорія силлогизмовъ есть одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ, хотя и безплодныхъ, попытокъ проникнуть въ неизслѣдованные тайники нашей души, попытокъ, оставляющихъ далеко за собой подобныя же попытки индійскихъ и еврейскихъ мудрецовъ, работы которыхъ, еще болѣе безплодныя, можетъ быть, и навели греческаго философа на мысль объ этой теоріи. Но слишкомъ ревностное углубленіе въ эту теорію, какъ и во всякую схоластику, таитъ въ себѣ большую опасность: мысль сосредоточивается на формѣ, не считаясь съ содержаніемъ, а такъ какъ слово чрезвычайно обманчиво можно сказать, всегда обманчиво, то неизмѣнно попадаетъ въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. Отсюда—множество софизмовъ, придуманныхъ досужими людьми и большею частью основанныхъ на несовершенствѣ словеснаго выраженія мыслей.

Вотъ нѣсколько наиболѣе знаменитыхъ софизмовъ, которымъ уже больше 2000 лѣтъ отъ роду *).

Ахиллесъ и черепаха. Быстроногій Ахиллесъ, который бѣгаетъ въ сто разъ быстрѣе черепахи, никогда ея не догонитъ, если она до начала движенія находится на извѣстномъ разстояніи впереди него. Предположимъ, что черепаха находится впереди Ахиллеса на сто саженъ. Ахиллесъ не нагонитъ черепахи въ концѣ ста саженъ, потому что, когда онъ пробѣжитъ эти сто саженъ, черепаха сдѣлаетъ уже цѣлую сажень. Когда Ахиллесъ пройдетъ эту сажень, черепаха подвинется впередъ на $^1/_{100}$ сажени. Когда Ахиллесъ пройдетъ $^1/_{100}$ сажени, черепаха пройдетъ $^1/_{10000}$. Пройдетъ Ахиллесъ и это разстояніе, черепаха уйдетъ еще дальше и т. д. до безконечности. Какъ бы ни былъ малъ промежутокъ, раздѣляющій черепаху и Ахиллеса, когда онъ будетъ пройденъ Ахиллесомъ, между ними образуется новый промежутокъ, ибо черепаха въ это время будетъ также подвигаться, и Ахиллесу никогда не догнать черепахи.

Летящая стрѣла. Каждый предметъ, пока онъ пребываетъ на какомъ либо мѣстѣ (занимаетъ гдѣ либо протяженіе равное ему по объему), неподвиженъ. Летящая стрѣла въ каждый моментъ своего движенія пребываетъ въ какомъ либо мѣстѣ; слѣдовательно, летящая стрѣла неподвижна во все время своего движенія. Оба эти софизма покоятся на невѣрномъ представленіи о пространствѣ.

Аристотелево колесо. Когда колесо катится по землѣ, то черезъ опредѣленные промежутки времени, оно касается земли одной о той же точкой. Очевидно касаніе будетъ происходить черезъ такой промежутокъ времени, когда колесо пройдетъ путь, равный его окружности. Внутренняя сторона колеса тоже представляетъ окружность, но меньшаго радіуса, и сдѣлаетъ полный оборотъ одновременно съ каждой точкой внѣшней окружности, т. е. линія, выражающая ея длину, будетъ равняться линіи, выражающей длину внѣшней окружности, и такимъ образомъ малая окружность будетъ равняться большой. Тутъ опять ошибка въ неточномъ словоупотребленіи. На самомъ дѣлѣ только центръ колеса пройдетъ линію, равную внѣшней окружности, всѣ же остальныя точки колеса описываютъ кривыя различной длины (точки внѣшняго колеса описываютъ циклоиды).

Рогоносецъ. Чего ты не терялъ, то ты имѣешь; роговъ ты не терялъ, слѣдовательно, ты ихъ имѣешь.

Покрытый человѣкъ. Знаешь ли ты этого покрытаго человѣка?—Нѣтъ.—Этотъ человѣкъ твой отецъ, слѣдовательно, ты не знаешь своего отца.

Крокодилъ и египтянка. У египтянки крокодилъ схватилъ ребенка. Когда мать попросила возвратить ребенка, крокодилъ

---

*) Два софизма мы разобрали въ вып. VI «Царь Словъ» въ главѣ объ «Игрѣ съ понятіями».

сказалъ: «возвращу, если угадаешь, исполню-ли я твою просьбу, или нѣтъ». Мать сказала: «Не исполнишь». Крокодилъ тогда отвѣтилъ: «Теперь ни въ коемъ случаѣ я не долженъ отдавать тебѣ ребенка: если твой отвѣтъ вѣренъ, то ты не получишь его по собственнымъ словамъ; если же не вѣренъ, ты не получишь его по уговору». Мать возразила: «если мои слова вѣрны, ты долженъ отдать ребенка по условію, если же нѣтъ, то ты отдашь мнѣ моего ребенка».

Протагоръ и Эватлъ. Эватлъ бралъ уроки софистики у Протагора. По договору вторую половину платы за обученіе онъ долженъ былъ отдать лишь въ томъ случаѣ, если выиграетъ свой первые судебный процессъ. Эватлъ, окончивъ ученіе, совсѣмъ не велъ процессовъ и денегъ не платилъ. Протагоръ привлекъ его къ суду и поставилъ вопросъ такъ: «если судьи присудятъ тебя уплатить, ты обязанъ будешь уплатить мнѣ въ силу судебнаго приговора; если же судьи оправдаютъ тебя, ты обязанъ уплатить мнѣ потому, что ты выигралъ первый процессъ». Эватлъ отвѣтилъ: «если судьи оправдаютъ меня, я не плачу въ силу приговора; если же они присудятъ меня къ уплатѣ, то я не плачу, какъ проигравшій свой первый процессъ».

Особенно большое поле для софизмовъ даетъ математика, какъ наука, имѣющая дѣло съ отвлеченностями.

Два и три есть четъ и нечетъ; пять есть два и три, слѣдовательно, пять есть четъ и нечетъ.

Дважды два — пять.

$$2 \times 2 = 4;\ 4 - 4^1/_2 = -^1/_2;\ 5 - 4^1/_2 = +^1/_2;\ \left(+\frac{1}{2}\right)^2 = \frac{1}{4};$$
$$(4 - 4^1/_2)^2 = (5 - 4^1/_2)^2;\ \sqrt{(4 - 4^1/_2)^2} = \sqrt{(5 - 4^1/_2)^2};\ 4 - 4^1/_2 =$$
$$= 5 - 4^1/_2;\ 4 = 5;\ 2 \times 2 = 5.$$

Большую часть софизмовъ можно свести къ игрѣ словъ, о которой мы говорили въ вып. VI «Даръ Слова».

Глава VI. Дѣленіе и опредѣленіе понятій.

Строгая логичность мышленія особенно необходима при дѣленіи и опредѣленіи понятій. Дѣленіе понятія устанавливаетъ его объемъ, а опредѣленіе—его содержаніе. Слѣдующія правила дѣленія должны соблюдаться во всякомъ случаѣ:

1. Сумма членовъ дѣленія должна равняться дѣлимому понятію. Вѣдь дѣленіе производится именно для того, чтобы безъ всякихъ пропусковъ порознь разсмотрѣть всѣ тѣ части, на которыя можно раздѣлить дѣлимое понятіе. Если при дѣленіи мы не перечислимъ всего, то у насъ получится дѣленіе не полное; если же мы введемъ такіе члены дѣленія, которые на самомъ дѣлѣ не содержатся въ дѣлимомъ, то дѣленіе будетъ слишкомъ обширное. Наполнымъ было бы дѣленіе людей на

порочныхъ и добродѣтельныхъ, потому что есть люди, о которыхъ нельзя сказать, что они порочны, но нельзя также сказать, что они добродѣтельны. Неполнымъ будетъ также дѣленіе научныхъ теорій на истинныя и ложныя, потому что существуютъ еще теоріи, частью истинныя, частью ложныя.

2. Члены дѣленія должны исключать другъ друга. Вѣдь задача дѣленія—указать различныя части объема дѣлимаго понятія, а не однѣ и тѣ же.

3. Дѣленіе должно имѣть одно основаніе. Напримѣръ, если будемъ дѣлить народы Европы на христіанъ, магометанъ, французовъ, нѣмцевъ и т. д., то дѣленіе неправильно, потому что различно основаніе дѣленія, т. е. то свойство, видоизмѣненіями котораго члены дѣленія отличаются другъ отъ друга: то основаніемъ служитъ религія, то національность.

4. Дѣленіе должно быть систематичнымъ, т. е. члены дѣленія должны перечисляться въ извѣстномъ порядкѣ по какому нибудь признаку, напримѣръ, по степени важности, величины и т. д.

Простѣйшій пріемъ дѣленія состоитъ въ раздѣленіи даннаго понятія на двѣ части, которыя отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что къ одной относятся всѣ предметы, обладающіе какимъ нибудь опредѣленнымъ свойствомъ, а къ другой—этимъ свойствомъ не обладающіе. Затѣмъ каждый изъ двухъ членовъ дѣленія дѣлится въ свою очередь на новые члены.

Второй пріемъ дѣленія производится на основаніи общаго для всѣхъ членовъ дѣленія свойства, причемъ надо остерегаться появленія совпадающихъ другъ съ другомъ членовъ, неполноты, а также сбивчивости дѣленія. Это достигается тѣмъ, что строго проводится одно и то же основаніе дѣленія, что за основаніе берется такое общее свойство, видоизмѣненія котораго мы могли бы заранѣе всѣ перечислить.

Опредѣленіе. «Опредѣленіемъ» понятія называется въ логикѣ указаніе признаковъ, образующихъ содержаніе этого понятія.

1. Правильное опредѣленіе не должно быть ни слишкомъ узкимъ, ни слишкомъ широкимъ. Если опредѣлимъ лошадь какъ домашнее животное, то это опредѣленіе будетъ слишкомъ широкимъ, потому что домашними животными будутъ не только лошади, но и другія животныя.

Если мы скажемъ, что треугольникъ есть прямолинейная фигура, имѣющая три равныхъ стороны, то опредѣленіе будетъ слишкомъ узкимъ, потому что треугольникъ можетъ быть не только равностороннимъ.

2. Опредѣленіе не должно дѣлать круга. Если мы скажемъ, «вращеніе есть движеніе вокругъ оси», то получимъ кругъ въ опредѣленіи, ибо само понятіе оси опредѣляется не иначе, какъ черезъ понятіе вращенія («ось есть прямая, вокругъ которой происходитъ вращеніе»). Самый грубый видъ ошибки такого круга, такъ называемое idem per idem (т. е. то же—тѣмъ же

самымъ), состоитъ въ томъ, что повторяются слова: лошадь есть лошадь.

3. Опредѣленіе не должно быть чисто отрицательнымъ. Такое опредѣленіе, указывая, чего нѣтъ въ понятіи, вовсе не указываетъ содержанія понятія. Напримѣръ: театръ есть зданіе, не служащее для жилья. «Криминалистъ есть юристъ, не знающій гражданскаго права». Отрицаніе можетъ войти въ опредѣленіе, но не иначе какъ наряду съ указаніемъ положительныхъ признаковъ, т. е. дѣйствительно входящихъ въ содержаніе понятія. Напримѣръ: параллельными линіями называются линіи, лежащія въ одной плоскости и нигдѣ не пересѣкающіяся. Впрочемъ иныя понятія сами имѣютъ отрицательный характеръ, и ихъ можно опредѣлить только отрицательно; напримѣръ: «чужестранецъ—это человѣкъ, не принадлежащій къ данной странѣ».

Глава VII. Способы умозаключеній.

Мыслители, разрабатывавшіе индуктивную логику, нашли пріемы, посредствомъ которыхъ построяются заключенія. Эти пріемы сводятся къ четыремъ, ясно и строго формулированнымъ англійскимъ философомъ Миллемъ, почему они и называются *милленскими методами доказательства*.

1. *Методъ единственнаго совпаденія*. Явленіе приливовъ и отливовъ остается неразгаданнымъ. Въ теченіе сутокъ море у береговъ два раза набѣгаютъ на землю и два раза отступаютъ отъ нея. Въ качествѣ причинъ этого явленія приводили и характеръ береговъ, и величину и глубину морей, но все это не объясняло періодичности приливовъ, суточной и мѣсячной. Но вотъ наблюденіе открыло, что суточный круговоротъ приливовъ, т. е. возвращеніе береговой линіи къ начальному пункту, совершается черезъ 24 часа 50 мин., что совпадаетъ съ періодами суточнаго движенія луны; кромѣ того, максимальные приливы совпадаютъ съ новолуніемъ и полнолуніемъ. Съ временами года, движеніями вѣтра и состояніемъ атмосферы подобнаго совпаденія установить нельзя. Отсюда заключили: приливы зависятъ отъ луны. Теорія тяготѣнія разъяснила это, прибавивъ: отъ притяженія луны, и показавъ, какъ измѣняется это притяженіе, и какъ сообразно съ этимъ измѣняются приливы. Однако полнаго совпаденія мы еще не имѣемъ, такъ какъ въ закрытыхъ моряхъ приливовъ не существуетъ.

Вотъ другой примѣръ заключенія по методу единственнаго совпаденія. Наблюденіе показало, что радуга бываетъ на небѣ только, когда свѣтитъ солнце (или луна) и идетъ дождь. Отсюда заключили, что радугу производитъ взаимодѣйствіе дождя и солнечныхъ (или лунныхъ) лучей. Теорія преломленія солнечнаго луча объяснила подробности явленія.

2. *Методъ единственнаго различія*. Если мы бросимъ въ воз-

духѣ вмѣстѣ съ перомъ монету, то монета упадетъ раньше, а перо значительно позже. Но если монету и перо бросить одновременно въ средѣ безвоздушной, напримѣръ, подъ стекляннымъ колпакомъ, откуда выкаченъ воздухъ, то они упадутъ одновременно. Отсюда выводъ, что воздухъ задерживаетъ паденіе пера.

Подъ тѣмъ же колпакомъ помѣстимъ электрическій колокольчикъ. Пока тамъ есть воздухъ, колокольчикъ звучитъ, лишь только мы воздухъ выкачали, звука нѣтъ. Отсюда выводъ, что воздухъ составляетъ причину или, по крайней мѣрѣ, часть причины возникновенія звука.

3. *Методъ единственнаго измѣненія.* Роса бываетъ въ ясныя и тихія лѣтнія ночи. Чѣмъ яснѣе небо, и чѣмъ тише воздухъ, тѣмъ сильнѣе роса. Чѣмъ это объяснить? Въ ясныя ночи земля легко испускаетъ свою теплоту въ міровое пространство и охлаждается быстрѣе, чѣмъ воздухъ. Слои воздуха, соприкасающіеся съ землею, охлаждаются отъ нея и выдѣляютъ пары, подобно тому какъ пары осаждаются на теплой комнатѣ на холодныхъ стеклахъ или на внесенномъ въ комнату холодномъ графинѣ. При сильномъ вѣтрѣ воздухъ быстро смѣняется на поверхности почвы и не успѣваетъ охладится и выдѣлить пара. Поэтому обиліе росы стоитъ въ связи съ затишьемъ. Теорія эта не вполнѣ объясняетъ фактъ, но значительную часть явленія объясняетъ.

4. *Методъ остатковъ.* Открытіе планеты Нептунъ произошло такъ. Движеніе планеты Уранъ обусловливалось притяженіемъ солнца и другихъ ранѣе извѣстныхъ планетъ, но оно уклонялось отъ того пути, который опредѣлялся этими причинами. Слѣдовательно, дѣйствовала еще одна причина, еще планета. Свойства уклоненія опредѣляли положеніе этой планеты. Ее и нашли на томъ мѣстѣ неба, которое указывалось даннымъ опредѣленіемъ. Леверье вычислилъ и опредѣлилъ положеніе на небѣ предполагаемой планеты, Буваръ нашелъ ее, направивъ телескопъ на мѣсто, указанное Леверье. Дѣйствительно ли по методу остатковъ была открыта планета, подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Нѣкоторые логики приписываютъ часть открытія планеты знакомому уже намъ модусу Camestres: тѣла солнечной системы должны вполнѣ опредѣлить путь Урана; извѣстныя тѣла не опредѣляютъ этотъ путь вполнѣ; слѣдовательно, намъ не всѣ тѣла извѣстны. Но вѣроятнѣе всего, что формальная логика тутъ никакой роли не играла, а открытіе совершено здравымъ человѣческимъ мышленіемъ (такъ называемымъ, «логичнымъ»), имѣющимъ немного общаго съ мышленіемъ логическимъ.

Нѣкоторыя положенія древней физики покажутъ, какъ опасны эти методы индуктивныхъ доказательствъ. Вотъ разительный примѣръ: Всѣ тѣла стремятся къ покою. Тысячелѣтнія наблю-

денія показали, что всякое тѣло, приведенное въ движеніе, если на него не будетъ дѣйствовать постоянная сила, въ концѣ концовъ остановится, и опытъ постоянно подтверждалъ это положеніе. Однако новѣйшая наука доказала полную его несостоятельность.

Другое положеніе: природа боится пустоты. Если изъ стеклянной трубы удалять воздухъ и привести конецъ ея въ сообщеніе съ какою либо жидкостью, то жидкость начнетъ подниматься по трубкѣ, вопреки общеизвѣстному закону, что всѣ тѣла падаютъ книзу. Это объяснялось боязнью пустоты со стороны природы (horror vacui). Однако точныя изслѣдованія показали, что тѣла останавливаются не отъ того, что устаютъ а потому, что встрѣчаютъ постоянное препятствіе своему движенію въ окружающей средѣ и въ треніи, и въ борьбѣ съ ними въ концѣ концовъ истощаютъ свою движущую силу. Жидкости поднимаются въ безвоздушномъ пространствѣ, вслѣдствіе давленія атмосферы, и разъ это давленіе уравновѣшено, онѣ спокойно предоставляютъ находящейся надъ ними пустотѣ оставаться пустою.

Въ приведенныхъ двухъ примѣрахъ причины были выдуманныя, обыкновенно же причины явленій находятъ въ предшествующихъ явленіяхъ и часто дѣлаютъ ошибочное заключеніе: post hoc, ergo propter hoc—«послѣ этого, слѣдовательно по причинѣ этого». Примѣромъ неправильныхъ заключеній по методу post hoc, ergo propter hoc, обыкновенно приводятъ суевѣрія. Дѣло потерпѣло неудачу, потому что дѣлалось по пятницамъ. Предпріятіе у меня удалось, потому что въ началѣ его я увидѣлъ новый мѣсяцъ съ правой стороны. Свиданіе мое съ моимъ другомъ не удалось, потому что, когда я вышелъ, черезъ дорогу пробѣжала черная кошка. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ логиковъ (проф. Глаголевъ) видятъ тутъ не суевѣрія, а правильныя умозаключенія. Никто, говорятъ они, не умозаключаетъ, что мѣсяцъ, кошка или пятница суть причины удачи или неудачи. Суевѣрія исходятъ изъ положенія, что человѣку посылаются знаменія относительно его будущаго, и что если человѣку удалось получить счастливое знаменіе—хотя бы искусственными мѣрами,—знаменіе должно оправдаться. Существуетъ повѣріе, что если тараканы уходятъ изъ дому, то, значитъ, дому грозитъ пожаръ. Удалившіеся тараканы никакъ уже не могутъ быть причиною пожара. Они—знаменіе будущей бѣды. Но при этомъ, какое знаменіе? По мысли вѣрящихъ въ повѣрье: тараканы предчувствуютъ бѣду. Предчувствовать пожаръ, конечно, мудрено. Но нельзя отрицать возможности для нѣкоторыхъ животныхъ предчувствовать наводненія, землетрясенія, страшныя бури. Отсюда удаленіе ихъ изъ какой-либо мѣстности можетъ дѣйствительно явиться знаменіемъ приближающейся бѣды. Эти факты выясняютъ намъ, что между самыми нелѣпыми суевѣ-

ріями и самыми обоснованными знаніями, нѣтъ непроходимой бездны, а есть не мало положеній, относительно которыхъ трудно сказать, составляютъ ли они выраженія суевѣрія или же суть истина. У N болѣли зубы, ему ихъ заговорили, и боль исчезла. Ученый XVIII в. сказалъ бы, что между заговоромъ и прекращеніемъ боли нѣтъ никакой связи, что люди, устанавливающіе эту связь, неправильно заключаютъ post hoc ergo propter hoc. Врачъ XX в. не скажетъ этого. Заговоръ дѣйствительно можетъ вылѣчить, если имѣется на лицо вѣра въ силу заговора, и можетъ быть даже и безъ нея. Излѣченіе совершается здѣсь путемъ внушенія и самовнушенія.

Глава VIII. Ошибки въ разсужденіи.

Ошибками въ разсужденіи мы уже занимались во второмъ выпускѣ нашего изданія, когда говорили объ уловкахъ нечестныхъ спорщиковъ, ибо всѣ эти уловки представляютъ не что иное, какъ сознательно допущенныя ошибки въ разсужденіи. Тутъ мы изобразимъ этотъ предметъ нѣсколько общѣе и систематичнѣе.

Такъ какъ всякое разсужденіе выводитъ изъ какихъ нибудь основаній извѣстное заключеніе, то ошибки могутъ быть въ основаніяхъ и въ заключеніи.

Ошибки въ основаніяхъ сводятся: къ употребленію основанія, ложность котораго намъ уже извѣстна или можетъ быть во всякое время нами изобличена; къ употребленію основанія, ничѣмъ не доказаннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не очевиднаго само собою; и къ употребленію въ видѣ основанія такого сужденія, которое само же доказано съ помощью положенія подлежащаго доказательству.

Первый видъ часто называется «доказательствомъ отъ сказаннаго условно къ сказанному безусловно» и состоитъ въ употребленіи безусловно, т. е. безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, такой мысли, которая вѣрна только подъ какимъ нибудь условіемъ. Напримѣръ: нельзя пользоваться, какъ основаніемъ доказательства, мыслью: «вредно глотать мышьякъ», безъ всякой оговорки, ибо мышьякъ вреденъ лишь въ большихъ количествахъ, въ малыхъ же дозахъ онъ служитъ иногда полезнымъ лѣкарствомъ. Второй видъ этой ошибки имѣемъ тогда, когда основаніе доказываетъ не только желательное положеніе, но еще и другія, которыя однако явно ложны и черезъ приведеніе къ абсурду легко опровергаютъ самое основаніе. Напримѣръ, если непозволительность самоубійства будетъ доказывать тѣмъ, что человѣкъ не въ правѣ лишать себя того, что дано ему не имъ самимъ, вѣдь изъ этого же самаго основанія вытекаетъ, что человѣкъ не въ правѣ дарить полученное по наслѣдству, стричь себѣ ногти, волосы и т. д., чѣмъ и опровергается приведенное основаніе.

Второй типъ ошибокъ состоитъ въ томъ, что въ видѣ основанія приводится такое сужденіе, которое еще остается спорнымъ, авторъ же доказательства относится къ нему, какъ къ безспорному. Наиболѣе частый видъ этой ошибки есть заключеніе отъ понятія собирательнаго къ понятію единичному. Мы часто, на основаніи разныхъ соображеній, прилагаемъ извѣстное опредѣленіе къ цѣлому собирательному понятію, дѣлаемъ обобщеніе; хотя въ общемъ оно можетъ быть вѣрно, но къ каждому индивидууму, составляющему собирательное понятіе, оно не примѣнимо. На этомъ основываются, такъ называемые, національные предразсудки. Два или три раза въ нашей жизни мы встрѣчались съ цыганами, и всякій разъ это были продавцы лошадей и плуты. У насъ на этомъ основаніи слагается неправильное индуктивное умозаключеніе, что всѣ цыганы плуты, и если это обобщеніе мы примѣнимъ безъ всякой провѣрки къ опредѣленному лицу цыганской національности, то мы впадемъ въ ошибку неправильнаго основанія. Такимъ путемъ слагаются всѣ національные и сословные предразсудки, которые, можетъ быть, для собирательнаго понятія, для большинства и вѣрны, но въ примѣненіи къ отдѣльнымъ личностямъ неправильны.

Обратная ошибка будетъ, когда мы качество, встрѣчающееся у каждаго предмета въ отдѣльности, относимъ къ сложному понятію. Наприм., если больной, разсматривая симптомы своей болѣзни и находя, что каждый изъ нихъ порознь не опасенъ, начинаетъ думать, что они и всѣ вмѣстѣ не опасны; а между тѣмъ соединеніе многихъ, хотя бы не опасныхъ въ отдѣльности, симптомовъ можетъ сказаться крайне опаснымъ.

Третій типъ ошибокъ въ основаніяхъ называется circulus vitiosus («порочный кругъ»): тутъ въ видѣ основанія употребляется такое сужденіе, которое само было доказано посредствомъ этого основанія. Напримѣръ: Сочиненіе этого писателя заслуживаетъ довѣрія, ибо онъ правдивъ, а правдивость его доказывается содержаніемъ этого сочиненія.

Ошибки въ заключеніи состоятъ въ томъ, что доказываемое положеніе не вытекаетъ съ полной необходимостью изъ приводимыхъ основаній. Напримѣръ: если гавань замерзла, то корабли не могутъ входить въ нее; но изъ того, что гавань не замерзла, еще не слѣдуетъ, что корабли могутъ входить въ нее, такъ какъ могутъ быть и другія причины, не позволяющія кораблямъ входить въ гавань; также изъ того, что корабли не могутъ входить въ гавань, не слѣдуетъ, что она замерзла.

Иногда мы доказываемъ не то, что взялись доказать, а другое положеніе, только напоминающее первое, и считаемъ доказательство этого другого положенія за доказательство перваго. У логиковъ это называется ignoratio elenchi («игнорированіе доказательства») или mutatio elenchi («подмѣна доказательства»). Напр., кто нибудь говоритъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, а ему на это возражаетъ, что такъ обыкновенно не

поступаютъ. Нѣкоторыя видоизмѣненія этой ошибки встрѣчаются довольно часто, а именно: доказывается слишкомъ мало, когда вмѣсто общаго сужденія мы доказываемъ частное, напримѣръ, вмѣсто пользы данной мѣры для всего государства мы выводимъ пользу ея для нѣкоторыхъ сословій.

Argumentum ad hominem, когда, напримѣръ, ошибочность чисто научныхъ взглядовъ какого-нибудь ученаго подтверждаютъ доказательствомъ его принадлежности къ ненавистной для собесѣдника политической партіи или національности и т. п.

Дилемма. Въ спорѣ мы можемъ очутиться въ такомъ положеніи, когда намъ приходится выбирать между двумя такими допущеніями, которыя оба ведутъ къ заключенію, котораго мы не одобряемъ. «Если я дѣйствовалъ по своему собственному побужденію, то я—человѣкъ безчестный; если же я дѣйствовалъ не по собственному побужденію, то я—игрушка въ рукахъ другого. Слѣдовательно я—или человѣкъ безчестный или безхарактерный». Классическій примѣръ дилеммы представляетъ дилемма, поставленная калифомъ Омаромъ передъ библіотекарями Александрійской библіотеки: если ваши книги согласны съ Кораномъ, то онѣ излишни; если же онѣ расходятся съ нимъ, то онѣ вредны, слѣдовательно онѣ или излишни или вредны». Что книги излишни, могло бы быть признано лишь въ томъ случаѣ, если бы было признано, что ученіе Корана не только вѣрно, но и содержитъ въ себѣ все, что заслуживаетъ изученія. Дилемма часто представляетъ сочетаніе обѣихъ ошибокъ разсужденія: ошибки въ основаніи и ошибки въ заключеніи.

Глава IX. Правильное мышленіе.

Искусство правильно разсуждать, какъ бы оно ни было разработано діалектиками и логиками, въ концѣ концовъ сводится къ искусству правильно мыслить. Способность разсуждающая есть разумъ, который выводитъ слѣдствія изъ тѣхъ или другихъ основаній; разумъ—представляетъ способность болѣе высокая, нежели разсудокъ, который разбираетъ, такъ сказать, буквы явленій, тогда какъ разумъ ихъ читаетъ и понимаетъ. Первый соединяетъ отдѣльные сырые предметы, второй же можетъ обозрѣть цѣлое. Дѣти имѣютъ задатки разума, но они думаютъ очень мало или не думаютъ вовсе, потому что ихъ разумъ еще не разбуженъ. Юноша можетъ думать, но его мышленію не хватаетъ содержанія, разнообразія, значительности и основательности. Его разумъ еще не достаточно развитъ, и онъ не собралъ еще достаточно матеріала. Онъ еще не достигъ того, что можетъ по собственной волѣ выбрать любую сторону предмета и объ немъ говорить или писать ясно и основательно.

Для того, чтобы разумъ функціонировалъ успѣшно, должны быть развиты чувства. Постояннымъ упражненіемъ ихъ повышается ихъ воспріимчивость къ внѣшнимъ и внутреннимъ пред-

ставленіямъ, благодаря чему въ памяти собирается и связывается множество предметовъ, и изъ этого запаса разумъ черпаетъ свой матеріалъ. Нужно многое перевидать, чтобы и многомъ подумать, и нужно многое перечувствовать, чтобы о многомъ правильно судить. Кто обнимаетъ явленія внутри и внѣ себя, обрабатываетъ ихъ размышленіемъ, умѣетъ ихъ искусно сравнить съ другими, изслѣдовать ихъ причины и вліянія, тотъ и владѣетъ искусствомъ мыслить, и если онъ при этомъ знакомъ съ формальными требованіями словеснаго выраженія мыслей, т. е. грамматикой и логикой, то онъ владѣетъ искусствомъ разсуждать. А такъ какъ формальныя требованія грамматики и логики совпадаютъ съ требованіями языка, безсознательно усвояемыми дѣтьми въ культурной обстановкѣ, то главное вниманіе должно быть употреблено на искусство мыслить.

Все, что мыслится, должно быть истиннымъ у всѣхъ людей и при всѣхъ обстоятельствахъ. Каждый долженъ быть въ состояніи дойти до этого собственнымъ размышленіемъ, оно должно быть всѣмъ понятно. Что весною деревья цвѣтутъ,—это утвержденіе для всѣхъ истинно, но что нѣкто жилъ тысячу лѣтъ, мы объявляемъ неправдой, потому что нѣтъ никакой причины ея возможности ни въ человѣческой природѣ, ни въ опытѣ.

Если кто утверждаетъ, что можно для собственной пользы лгать, то мы тотчасъ заявляемъ, что это не можетъ быть правиломъ для всѣхъ, и что оно, слѣдовательно невѣрно, т. е. въ данномъ случаѣ безнравственно; если кто говоритъ, что онъ не могъ сдержать своего обѣщанія по недостатку времени, то мы чувствуемъ, что онъ насъ обманулъ, и его поведеніе не можетъ претендовать на общее значеніе; если кто учитъ, что законамъ страны надо подчиняться не всегда, то это такое утвержденіе, которое не можетъ быть всеобщимъ, и которое, слѣдовательно, неправильно, ибо законъ есть общее предписаніе, связывающее насъ, какъ народная воля, до тѣхъ поръ, пока оно открыто не отмѣнено, иначе оно теряетъ характеръ закона. Примѣры изъ логики и математики еще яснѣе подтверждаютъ правильность указаннаго положенія.

Но эта всеобщность и обязательность для всѣхъ существуетъ только въ области знанія и морали, а не въ области мнѣній и историческихъ воззрѣній; въ этихъ двухъ областяхъ всякій судитъ по своему, сообразно собственной наблюдательности, степени развитія и легковѣрности. Если тутъ не можетъ быть претензій на абсолютную всеобщность, потому что основаніе сужденія лежитъ не въ объектѣ, а въ субъектѣ, мы всетаки должны стремиться хотя бы къ относительной всеобщности, если желаемъ сдѣлать понятнымъ для другихъ свое мнѣніе. Каждый долженъ разсуждать именно такъ, какъ мы, при тѣхъ же обстоятельствахъ и въ томъ же положеніи. То, что только для насъ истинно, можетъ оказаться правильнымъ только подъ вліяніемъ страсти, особеннаго состоянія духа и т. д., и мы

сами, по зрѣломъ обсужденіи, можемъ понять, что существуетъ очень мало объективныхъ основаній для нашего утвержденія.

Но мы требуемъ отъ правильнаго положенія, чтобы оно не только имѣло всеобщее значеніе, но чтобы оно при этомъ не оскорбляло уваженія къ человѣчеству. Если кто объявляетъ всѣхъ людей мошенниками, то мы тотчасъ убѣждены, что его утвержденіе неправильно, потому что во-первыхъ, чужая душа—потемки, и ничего положительнаго мы о ней сказать не можемъ, а во-вторыхъ, всякаго возмущаетъ необходимость видѣть мошенниковъ въ любимыхъ людяхъ, отцѣ и матери. Кто, защищая рабство, утверждаетъ, что человѣкъ рожденъ быть рабомъ, потому что онъ не всегда слушается общественныхъ законовъ, или потому, что человѣкъ не заслуживаетъ быть свободнымъ, ибо злоупотребляетъ свободой, тотъ не считается съ уваженіемъ къ человѣчеству, и его утвержденія не могутъ быть истинны.

Но эти два закона имѣютъ больше отрицательный, чѣмъ положительный характеръ: мы тутъ узнаемъ не то, что есть истина, а то, что не можетъ быть истиной. Для положительнаго сужденія важенъ третій законъ: должно быть послѣдовательнымъ во всѣхъ утвержденіяхъ; что не слѣдуетъ съ полной необходимостью изъ поставленной предпосылки, то для насъ неправильно. Кто допускаетъ, что всѣ люди должны постоянно слушаться нравственнаго закона, и въ то же время позволяетъ себѣ несправедливость по отношенію къ богачу, кто признаетъ коренныя права человѣка, но въ то же время утверждаетъ, что государство не должно на нихъ опираться, судитъ непослѣдовательно и находится въ заблужденіи. Кто считаетъ откровенность необходимымъ условіемъ для поддержанія дружбы и все-таки считаетъ кого-нибудь своимъ другомъ, хотя между ними нѣтъ откровенности, кто не считаетъ жизнь внѣшнимъ правомъ и всетаки объявляетъ смертную казнь дѣйствіемъ правомѣрнымъ, кто происхожденіе всѣхъ болѣзней видитъ въ природѣ и тѣмъ не менѣе лѣчитъ лихорадку заговоромъ, поступаетъ непослѣдовательно.

Стремленіе быть послѣдовательнымъ въ своихъ сужденіяхъ и заключеніяхъ есть необходимое условіе, если мы серьезно стремимся къ истинѣ. Соблюденіемъ строгой послѣдовательности мы открываемъ не только правильность или неправильность принятыхъ нами положеній, но и границы ихъ примѣненія; благодаря ей мы пріучаемся къ преслѣдованію длинныхъ рядовъ мыслей, къ всестороннему обозрѣнію обсуждаемаго предмета, къ осмотрительности и непрерывной внимательности. Не изслѣдовавъ, дѣйствительно-ли данное мнѣніе вытекаетъ изъ его предпосылки, мы никогда не увѣрены въ томъ, что мы достигли истины. Поэтому разъ мы приняли какое-нибудь положеніе, мы должны постоянно исходить изъ него строго и правильно, какія бы странныя утвержденія изъ него ни вытекали; можемъ только придти къ убѣжденію, что наше основаніе неправильно,

и уже это есть большой выигрышъ, если припомнить, какъ долго иное неправильное положенiе держится вслѣдствiе непослѣдовательныхъ заключенiй и мѣшаетъ распространенiю истины и культурѣ человѣческаго духа.

Понятно, мы должны отказаться отъ всякихъ стремленiй къ заранѣе намѣченному результату, должны уничтожить страсти, дабы имѣть возможность постоянно обозрѣвать ходъ нашихъ мыслей и установить,—дѣйствительно-ли одно предложенiе вытекаетъ изъ другого, не сдѣлали-ли мы какого-нибудь скачка въ разсужденiи, не зашли-ли мы въ чужую область, куда насъ не можетъ вести нашъ путь и истина. Непослѣдовательность есть источникъ всякихъ продолжительныхъ и вредныхъ заблужденiй, она мѣшаетъ совершенствованiю наукъ, поддерживаетъ тысячелѣтнiе предразсудки и отнимаетъ у мыслителя даже надежду, что его теоретическiя прiобрѣтенiя когда-нибудь перейдутъ въ практику. Ею поддерживается столь вредное смѣшенiе различныхъ наукъ и вѣчныя препирательства. Соблюденiе же строгой послѣдовательности подрубаетъ въ корнѣ заблужденiя, суевѣрiя, невѣрiе, предразсудки.

Четвертый пунктъ, который мы не должны выпускать изъ виду при изслѣдованiи истины: всѣ явленiя должно объяснять естественными причинами и по законамъ природы. Всѣ наши познанiя ограничены предметами чувственнаго мiра и условiями ихъ существованiя; все же, что лежитъ внѣ ихъ, есть или объектъ вѣры или мнѣнiя. Когда мы объясняемъ себѣ какое-нибудь явленiе и желаемъ узнать причину и способъ его существованiя, то мы должны стремиться отыскать въ предѣлахъ чувственнаго мiра достаточныя основанiя къ его существованiю; мы должны продолжать связывать причину съ причиной и разсматривать ихъ какъ дѣйствiя одной высшей причины, покуда мы не найдемъ достаточнаго объясненiя возможности даннаго явленiя. Для этого требуется широкое знанiе влiянiй природы внутри и внѣ насъ, иначе наше изслѣдованiе будетъ безплодно; равнымъ образомъ мы должны имѣть много матерiаловъ и большой опытъ, иначе наше предпрiятiе намъ не удастся. Если мы, напримѣръ, слышимъ, что мертвый воскресъ, то причина этого воскресенiя должна быть звеномъ въ цѣпи явленiй чувственнаго мiра. Даже сонъ или предчувствiя должны происходиться отъ причинъ, лежащихъ въ нашемъ тѣлѣ или въ нашемъ духѣ, который тутъ долженъ разсматриваться не выходящимъ за предѣлы физическихъ законовъ. Если мы въ состоянiи вполнѣ понять условiя и возможность явленiя и объяснили его лежащимъ полностью въ реальномъ мiрѣ, то мы и объяснили себѣ существованiе этихъ влiянiй естественными причинами. Если мы, продолжая наши изслѣдованiя, дошли до явленiя, необъяснимаго при современномъ состоянiи науки, напр. магнетизма, то это отнюдь не даетъ намъ права перейти для объясненiя въ мiръ сверхъестественный, не дающiй разуму

никакихъ точекъ опоры. Ибо тутъ мы вмѣсто реальностей найдемъ одни фантомы, а вмѣсто истинъ получимъ заблужденія и суевѣрія; на этомъ пути мы скоро отвыкнемъ отъ самостоятельнаго мышленія и станемъ игрушкой каждой сказки.

Пятое правило, которое одно способно дать богатую добычу, это—положеніе, что природа не дѣлаетъ скачковъ, что все между собою связано, одно вытекаетъ изъ другого, одно входитъ въ другое, и это сцѣпленіе причинъ и слѣдствій происходитъ по неизмѣннымъ законамъ, еще, можетъ быть, не извѣстнымъ, но несомнѣнно существующимъ. Мы не имѣемъ права объяснять слѣдствіе причиной, не стоящей съ нимъ въ точной связи и внутренно съ нимъ не родственной. Законъ причинности есть главный законъ нашего разума, и мы не можемъ, покуда разумъ работаетъ правильно, оторваться отъ мысли, что слѣдствіе и причина находятся между собой въ тѣсной связи и что между ними не должно быть пропасти.

Насъ должна интересовать не только причина явленій, но и цѣль ихъ. Ничто не случается даромъ, все имѣетъ свою опредѣленную цѣль, и человѣкъ, совершающій что-либо безъ цѣли, долженъ быть отправленъ въ сумасшедшій домъ. Однако это исканіе цѣлей не должно переходить за границу видимой природы. Кантъ говоритъ: всѣ произведенія и всѣ событія природы должны объясняться, насколько возможно, механически, но разумъ долженъ стремиться и къ познанію цѣлей. Въ естествовѣдѣніи должно принять, что никакая часть органическаго существа не остается безъ цѣли, но каждая служитъ для поддержанія цѣлаго, хотя бы мы доселѣ и не могли допытаться, какова ея назначеніе.

Седьмое правило, которымъ мы не должны пренебрегать, если ищемъ истины,—все равно, убѣдились-ли мы, что въ данной области что-нибудь узнать можемъ, или пришли къ выводу, что ничего больше не узнаемъ, это—быть откровеннымъ и честнымъ по отношенію къ самимъ себѣ. Мы не должны скрывать отъ себя ни пробѣла въ нашихъ познаніяхъ, ни недостаточности нашихъ доказательствъ, ни вообще недостаточности нашихъ познавательныхъ силъ. Мы не должны ни лицемѣрить предъ самими собою, ни льстить себѣ, но свободно, безъ предразсудковъ, не щадя своихъ слабостей и страстей, продолжать изслѣдованіе, хотя бы оно приводило къ результату, несоотвѣтствующему нашимъ желаніямъ или ожиданіямъ, хотя бы мы должны были признать неистиннымъ то, что доселѣ считали истиннымъ или хотя бы должны были оставить всякую надежду, когда-нибудь узнать истину. Выигрываемъ мы на этомъ пути изслѣдованія всетаки больше, нежели, когда мы поступаемъ нечестно и увлекаемся фантомами. Мы узнали причины, давшія поводъ къ обману, и если мы снова попадемъ въ заблужденіе, то заблужденіе, въ которое мы впали путемъ собственнаго размышленія, всетаки стоитъ больше, нежели заученная съ чужихъ

словъ истина; въ первомъ случаѣ мы пріобрѣтаемъ силу и способность искать истину, а во второмъ мы должны оставить даже надежду, что когда-нибудь откроемъ собственнымъ разумомъ сущность явленій, что истинно и что ложь, что дѣйствительность и что обманъ.

Поэтому, разъ мы положили въ основаніе нашихъ изслѣдованій положеніе, считаемое согласнымъ съ законами нашего ума, т. е. истиннымъ, то мы должны дѣлать изъ него заключенія безстрашно и свободно и продолжать обсужденіе, хотя бы полученный результатъ былъ для насъ убійственъ; мы тутъ ничего не теряемъ, а очень многое выигрываемъ: или находимъ истину, которою мы обогащаемъ себя, или убѣждаемся въ ошибочности нашего положенія и тѣмъ избавляемся отъ заблужденія, или, наконецъ, убѣждаемся, что вопросъ еще не рѣшенъ и мы еще не устали выгадываемъ, ибо научаемся видѣть неправильность, несостоятельность или неопредѣленность нашего положенія, или же непослѣдовательность нашихъ умозаключеній, и этимъ спасаемъ свободу ума, а слѣдовательно и достоинство, хотя въ данномъ случаѣ и не достигли истины. «Дерзай знать» (Sapere aude)—вотъ правило, столь же полезное и плодотворное въ мышленіи, какъ и въ дѣйствіи. Честность по отношенію къ намъ самимъ есть мать великихъ подвиговъ и душу возвышающихъ истинъ. Не должно допускать, чтобы сердце льстило разуму и заставило его довольствоваться неполнымъ знаніемъ. Однако не нужно обольщать себя слишкомъ большими надеждами, ибо человѣческое знаніе ограничено, и есть много вещей, о которыхъ мы только знаемъ, что ничего въ нихъ знать не можемъ. Придя къ такому результату, мы должны оставить безплодное изслѣдованіе, и не тратить силъ по предметъ, гдѣ ничего не достигнешь. Кантъ даетъ нѣсколько замѣчаній о честности въ мышленіи: «при каждомъ научномъ изслѣдованіи должно продолжать работу со всей возможной точностью, полнотой и откровенностью, не обращая покуда вниманія на другія ученія, могущія противорѣчить нашимъ изслѣдованіямъ. Частое наблюденіе убѣдило меня, что когда изслѣдованіе доведено до конца, то нѣкоторыя положенія, которыя раньше, въ отношеніи другихъ ученій, казались мнѣ иногда очень сомнительными, вдругъ получали полное освѣщеніе; я это сомнѣніе выпускалъ изъ виду и обращалъ вниманіе исключительно на свое дѣло, покуда оно не было закончено, и оно тогда неожиданнымъ образомъ совершенно согласовывалось съ тѣми ученіями, и результатъ былъ достигнутъ безъ всякаго вниманія къ этимъ ученіямъ, слѣдовательно, совершенно безпристрастно».

Глава X. Сомнѣніе.

Истинное, доброе, благородное и великое дается человѣку не безъ труда. Уже въ раннемъ дѣтствѣ намъ приносятъ множество матеріаловъ, принимаемыхъ нами на вѣру, и часто для насъ совершенно безполезныхъ. Когда наши мыслительныя способности пріобрѣтаютъ силу и гибкость, намъ приходится снова

передумать тоже самое: соотвѣтствуетъ-ли это законамъ разума, истинно-ли оно, полезно. Это постоянное испытываніе и изслѣдованіе вызываетъ въ насъ сомнѣніе, потому что мы скоро замѣчаемъ несообразности въ нашихъ познаніяхъ, пробѣлы въ выводахъ, противорѣчія противъ законовъ нашего разума, непослѣдовательности. Мы досихъ считали то или другое истиннымъ потому, что намъ внушили, что это истинно, или потому, что мы считали это необходимымъ для нашего спокойствія или счастія, а вовсе не потому, чтобъ оно отвѣчало законамъ разума.

Сомнѣніе обнаруживаетъ неясность нашихъ познаній и недостаточность причинъ. У насъ нѣтъ достаточныхъ доказательствъ чтобы признать какое-либо положеніе истиннымъ или ложнымъ, и мы витаемъ какъ бы въ воздухѣ. Сомнѣваться— значитъ: не рѣшаться высказаться въ пользу какого-либо изъ двухъ или нѣсколькихъ мнѣній; мы только стараемся изслѣдовать предметъ со всѣхъ сторонъ, найти его отношеніе къ другимъ предметамъ или къ нашимъ познаніямъ, понять его дѣйствіе и расчленить его составныя части, чтобы такимъ образомъ придти къ полному познанію его и положить конецъ колебаніямъ.

Сомнѣніе есть состояніе безпокойства, но это безпокойство ведетъ къ самостоятельной дѣятельности и свободѣ, потому что сомнѣніе обращаетъ наше вниманіе на всѣ событія, стоящія въ связи съ разсматриваемымъ предметомъ, но въ то же время дѣлаетъ насъ болѣе смѣлыми въ заключеніяхъ и объясненіяхъ. Послѣ нѣкотораго упражненія мы больше не считаемся съ мнѣніями, слѣпо принятыми какъ истины; больше того, мы затрагиваемъ положенія, казавшіяся намъ весьма убѣдительными,— мы подвергаемъ сомнѣнію ихъ обоснованіе и истинность, потому что открываемъ пробѣлы въ умозаключеніяхъ, изъ которыхъ они выведены, мы видимъ, что они покоятся больше на желаніи сердца, нежели на доводахъ разума.

Поэтому мы должны стараться подвергать сомнѣнію каждую вещь, должны постоянно испытывать доводы pro и contra (т. е. за нее и противъ нея), раньше чѣмъ высказаться въ томъ или другомъ смыслѣ, и мы не должны считать ни одного мнѣнія истиннымъ и обоснованнымъ, покуда оно не прошло огненное испытаніе сомнѣнія.

Такъ какъ сомнѣваться о мнѣніяхъ и правилахъ есть прекрасное средство упражненія и развитія мыслительныхъ способностей и прямой путь къ истинѣ, и такъ какъ всякое самостоятельное мышленіе начинается съ того, что мы сами, даже подъ опасеніемъ заблудиться, подвергаемъ изслѣдованію, что можетъ быть, и почему оно можетъ быть, что мы можемъ познать и чему мы должны вѣрить, то для этого требуется:

1) Мужество и довѣріе къ собственнымъ силамъ.

2) Спокойствіе и свобода ума; потому что, когда въ нашей груди бушуютъ желанія и страсти, когда онѣ кидаютъ насъ какъ мячикъ, туда и сюда, то у насъ нѣтъ ни времени, ни охоты,

ни рѣшимости испытывать все, подлежащее изслѣдованію, безпартійно и строго. Мы охотнѣе вѣримъ тому, что льститъ нашимъ страстямъ, нежели обращаемъ вниманіе на заключенія свободнаго разума.

3) Должно почаще придумывать возраженія противъ обычнаго содержанія нашихъ представленій, ихъ связи, ихъ правильности и ихъ основанія, и преслѣдовать предметъ во всѣхъ направленіяхъ и по всѣмъ уголкамъ. Мы должны почаще себѣ ставить вопросъ, не можетъ-ли быть истинно какъ разъ противоположное тому, что мы думаемъ, знаемъ и чему вѣримъ, не было-ли людей, которые утверждали какъ разъ противоположное тому, что мы считаемъ истиннымъ.

4) Должно оставить страхъ передъ признанными истинами. Часто страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ или за свое спокойствіе удерживаетъ насъ смотрѣть этимъ истинамъ хладнокровно въ лицо, изслѣдовать ихъ происхожденіе, ихъ подлинность и пользу. Этотъ ужасъ передъ извѣстными истинами есть мать суевѣрій и предразсудковъ.

5) Добрая совѣсть есть лучшій плодъ жизни, дающій намъ мужество дѣйствовать, и мыслить. Если мы звоевали этотъ даръ небесъ и вынесли его незапятнаннымъ черезъ всѣ бури жизни, тогда мы смѣемъ глядѣть въ насъ самихъ, насъ изслѣдовать, подслушивать всѣ наши движенія и мысли и смотрѣть только на ихъ чистоту и истинность. Но если въ нашемъ сердцѣ господствуютъ фуріи, угрызенія совѣсти, тогда мы убѣгаемъ отъ самихъ себя, кидаемся въ водоворотъ внѣшняго міра и плывемъ по теченію, дабы привести къ молчанію строгаго судію, что въ насъ; мы боимся испытывать и подсматривать наши представленія, сомнѣваться въ ихъ истинности и обоснованности, и становимся добычей каждой превратности сердца и каждаго заблужденія разума. Добрая совѣсть дѣлаетъ храбрымъ, смѣлымъ, предпріимчивымъ и благороднымъ, и кто еще не сдѣлалъ никакого дѣла, оставляющаго въ сердцѣ кровавое раскаяніе и вѣчный укоръ, можетъ смѣло думать о себѣ въ своемъ одиночествѣ.

6) Нужно отказаться отъ всѣхъ предразсудковъ и суевѣрій, которые питаютъ лѣность и подавляютъ сомнѣнія. Каждое представленіе, которое не есть плодъ нашей собственной дѣятельности, должно быть намъ ненавистно, и съ каждой мыслью, которая стоитъ въ насъ одиноко, должно бороться: она должна или стать нашей, или быть выброшена изъ нашего существа.

7) При возбужденіи сомнѣнія и при стремленіи къ изслѣдованію должно помнить, что только то есть для насъ истина и имѣетъ для насъ цѣнность, чего мы достигли собственнымъ свободнымъ размышленіемъ о насъ самихъ или о природѣ вещей.

8) Должно прилежно изучать исторію человѣческихъ мнѣній. Мы при этомъ узнаемъ страшную текучесть и неустойчивость человѣческихъ теорій. То, на чемъ тысячелѣтія тому назадъ основывали все образованіе, теперь или забыто

или осмѣяно, какъ заблужденіе человѣческаго ума; на чемъ столѣтія тому назадъ клялись, какъ на вѣчной истинѣ, то теперь объявляется ошибкой, и не та ли судьба ожидаетъ нѣкоторыя изъ нашихъ представленій? Въ XVIII вѣкѣ принималось, какъ несомнѣнное и общеобязательное положеніе, что камни съ неба не падаютъ. Французскіе мужики были свидѣтелями паденія съ неба аэролита, и вся французская академія отвергла показанія очевидцевъ и приняла, что камень, оказавшійся въ полѣ, былъ тамъ всегда, но былъ прикрытъ травой, а ударъ молніи обнажилъ его. Изученіе исторіи философіи есть хорошее средство для возбужденія недовѣрія къ нашимъ представленіямъ, считаемымъ за величайшія истины.

9) Мы должны почаще оглядываться на прошедшую жизнь и стараться вспоминать наши прежнія мысли, мы скоро узнаемъ, что еще недавно считали истиннымъ и обоснованнымъ то, чему теперь, послѣ болѣе глубокаго изслѣдованія, не вѣримъ. Это воспоминаніе о прошломъ побудитъ насъ къ тщательному испытанію настоящаго, ибо что такое сомнѣніе, какъ не тщательное и безпристрастное стремленіе отыскать истину? Однако надо при этомъ соблюдать слѣдующія правила;

1) Не надо смѣшивать различные предметы и области различныхъ наукъ. Не надо, напримѣръ, спрашивать и цѣлесообразности, когда рѣчь идетъ о правомѣрности какого-либо поступка, и не надо обосновывать логикой то, что является предметомъ познанія чувствами.

2) Сомнѣвающійся долженъ также приводить основаніе для своего утвержденія (а не одни вопросы), какъ другой для истинности своего положенія.

3) При сомнѣніи надо разсуждать послѣдовательно, какъ и при утвержденіи чего-либо; сомнѣнія о предметѣ также должны быть основаны на чемъ-нибудь предыдущемъ, изъ котораго они выводится какъ слѣдствія.

4) Сомнѣніе должно дѣйствительно относиться къ спорному дѣлу и вести къ опредѣленному результату, т. е. къ рѣшенію вопроса о существованіи или несуществованіи чего-то.

5) Выражая сомнѣніе, должно однако признавать законы человѣческаго ума, его содержаніе и границы, потому что во всякомъ спорѣ надо на чемъ-нибудь основаться.

Это сомнѣніе не есть скептицизмъ, представляющій собою философскую систему съ опредѣленнымъ содержаніемъ которая отвергаетъ возможность какого бы то ни было знанія. Сомнѣніе возникаетъ изъ глубокаго знакомства съ природой нашего бытія и нашей дѣятельности, оно ведетъ человѣка къ зрѣлости, свободѣ и истинѣ, оно не дѣлаетъ насъ холоднымъ и безучастнымъ, какъ скептицизмъ, потому что оно создаетъ реальности, а не довольствуется только отрицаніями; оно даетъ возвышающіе сердце и умъ результаты, которые незыблемы, потому что покоятся на незыблемыхъ основаніяхъ.

Глава XI. Оправдательныя разсужденія.

Очень часто логическая работа нашего мозга направляется по ложному пути подъ вліяніемъ нашихъ желаній и страстей. Подобно тому какъ мы на каждомъ шагу дѣлаемъ пристрастный отборъ впечатлѣній съ цѣлью достигнуть фиктивныхъ сужденій (см. объ этомъ въ вып. XIV «Даръ Слова»), такъ мы оперируемъ съ этими сужденіями, чтобы дойти до фиктивныхъ разсужденій, которыя правильнѣе всего называть «разсужденіями оправдательными», потому что они служатъ для оправданія инстинктивныхъ стремленій нашего я.

Истина не всегда удобна, часто вовсе не соотвѣтствуетъ нашимъ инстинктамъ. Мы ей вѣрны до тѣхъ поръ, пока она насъ не стѣсняетъ, но лишь только она для насъ тягостна, мы не можемъ допустить, чтобы она руководила нашими поступками. Мы желаемъ не подчиниться ей, но подчинить ее себѣ. Результатомъ является то, что мы стараемся себя обмануть, лишь только она появляется и начинаетъ громко говорить.

Человѣкъ, удовлетворяя, свои личныя стремленія, почти всегда нарушаетъ какую нибудь сторону общественныхъ интересовъ. Онъ повинуется своимъ аппетитамъ, но старается убѣдить себя, что подчиняется предписаніямъ морали. Мы желаемъ жить въ полномъ согласіи съ обществомъ и обманываемъ себя, думая что наши поступки служатъ обществу, тогда какъ они служатъ только намъ самимъ. Всякій разъ, когда наши инстинкты сталкиваются съ законами разума, мы ищемъ противъ послѣдняго извѣстные аргументы и, конечно, находимъ ихъ, ибо нѣтъ ничего въ мірѣ, что не было бы и хорошимъ и дурнымъ въ зависимости отъ точки зрѣнія.

Дѣйствія людскія всегда оправдывались особенными разсужденіями. Въ извѣстныя эпохи такое оправдываніе систематически культивировалось, какъ торжественное и признанное средство для примиренія морали съ животными инстинктами. Древность со своими софистами уже знала разныя тонкости и лазейки для такого примиренія. Касуистика іезуитовъ дала самыя замѣчательныя и самыя извѣстныя оправдательныя разсужденія. Они эксплуатировали логику для поддержанія лжи въ размѣрахъ почти невѣроятныхъ. «Утвердительная и отрицательная сторона большей части нашихъ мнѣній, такъ говорятъ іезуиты, имѣютъ каждая какую нибудь вѣроятность. Это не значитъ, что «за» и «противъ» могутъ быть истинны въ одно и то же время въ одномъ и этомъ же смыслѣ, но они могутъ быть оба возможны». Рѣчь идетъ объ открытіи въ каждомъ случаѣ какого-нибудь логическаго довода, подкрѣпляющаго мнѣніе, которое желательно доставить торжество. Послѣ этого можно примкнуть къ данному мнѣнію во всѣхъ пунктахъ, не грѣша, потому что оно стало возможнымъ. Однако логическое обоснованіе ложного мнѣнія до-

стигается еще проще, когда мы пользуемся пріемомъ «держанія въ умѣ» (reservatio mentalis). «Можно клясться, что мы не сдѣлали какого-либо дѣла», говорятъ казуисты, «хотя бы мы дѣйствительно его сдѣлали, если только про себя понимать, что мы не сдѣлали его въ такой-то день или до нашего рожденія».

Іезуиты (да и они-ли одни?) не разъ искажали ученіе Христа, стараясь согласовать пороки міра съ евангеліемъ. Церковь, напримѣръ, запрещала дуэль, но казуистами она дозволялась: «если благородный человѣкъ, вызванный на дуэль, извѣстенъ какъ человѣкъ, ненабожный, и грѣхи, которые онъ на глазахъ у всѣхъ совершаетъ ежедневно, заставляютъ думать, что, отказываясь отъ дуэли, онъ это дѣлаетъ не изъ страха Божія, а изъ трусости, то онъ можетъ для сохраненія своей чести притти на условленное мѣсто, не съ яснымъ намѣреніемъ драться на дуэли, но съ цѣлью защититься, если тотъ, кто его вызвалъ, придетъ туда же и на него нападетъ. Его поступокъ самъ по себѣ будетъ безразличенъ. Ибо что дурного въ томъ, что человѣкъ идетъ на поле и тамъ прогуливается, поджидая другого и затѣмъ защищается, если на него нападаютъ? Такимъ образомъ, тутъ нѣтъ никакого грѣха, да это и не значитъ принять вызовъ, разъ намѣренія были совершенно другія. Потому что принятіемъ вызова называется ясно выраженное намѣреніе драться, а такого намѣренія у этого не было». Такъ же церковь не позволяла желать гибели другого и еще менѣе причинять смерти, но казуисты имѣли на этотъ счетъ самыя удивительныя оправданія. «Если вашъ врагъ намѣревается вамъ вредить, то вы не должны желать его смерти вслѣдствіе ненависти, но вы въ правѣ желать этого, чтобы избѣгнуть своего убытка. Воинъ можетъ даже преслѣдовать того, кто нанесъ ему рану, не съ намѣреніемъ платить зломъ за зло, а только, чтобы сохранить свою честь. Сынъ можетъ, не впадая въ смертный грѣхъ, желать смерти своего отца и радоваться, когда она придетъ, но это должно быть только по случаю того добра, которое онъ получилъ благодаря этому событію, а не изъ личной ненависти».

Съ подобными принципами нѣтъ такой слабости, которой нельзя было бы извинить, потому что въ сущности все дозволено. Мы повторяемъ только тѣ истины, которыя нравятся и дѣлаемъ тѣ добрыя дѣла, изъ которыхъ мы извлекаемъ выгоду. Раскрывая столь благородно ворота неба, казуисты привлекали на свою сторону поклонниковъ легкой добродѣтели набожности, не требующей большихъ жертвъ, и такъ какъ такими обыкновенно бываютъ вельможи, то случилось, что іезуитскими принципами направлялась особенно совѣсть царей.

Правда, теперь отрицаютъ казуистику, но для того, чтобы подавить въ насъ указанія совѣсти или просто разума, мы ежедневно придумываемъ логическія системы, нисколько не уступающія тѣмъ, которыя установлены іезуитами въ ихъ кодексѣ.

Когда намъ приходится выбирать между дѣйствіемъ, которое подсказывается долгомъ или здравымъ смысломъ, и дѣйствіемъ, вызывающимся нашими аппетитами, мы нагромождаемъ въ пользу послѣднихъ массу доводовъ, и эти доводы отлично побѣждаютъ укоры совѣсти. Мы совершили подлость по слабости и объявляемъ, что должно умѣть приноравливаться къ обстоятельствамъ, что благоразуміе требуетъ считаться съ необходимостями жизни и прать противъ рожна—чистая глупость. Мы измѣнили нашимъ мнѣніямъ ради маленькаго и ничтожнаго интереса, и мы убѣждаемъ себя, что старые принципы были плохо обоснованы, что признавая ихъ истинными, мы ошибались. Чтобы подвинуться впередъ мы совершили маленькую низость, мы затѣяли самую обыкновенную интригу, и мы говоримъ себѣ, подымая голову, что надо считаться съ фактами, что красивыя теоріи ни къ чему не приводятъ, и что раньше всего должно быть практичнымъ и дѣйствовать. Мы поступили несправедливо или вѣроломно по отношенію къ кому нибудь, и для собственнаго успокоенія мы говоримъ, что нельзя быть тряпкой, и если черезъ минуту мы встрѣчаемъ человѣка подлаго, лжеца, предателя или интригана, то мы разражаемся сильнѣйшей филиппикой противъ такихъ людей, которыхъ нужно бы безъ всякихъ колебаній перевѣшать, дабы очистить землю отъ негодяевъ.

Писатели-психологи не разъ затрагивали эту тему, показывая, какими изворотами мысли люди оправдываютъ свои преступленія. Вотъ напр. какими разсужденіями Сальери у Пушкина доказываетъ себѣ необходимость отравленія Моцарта:

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить, не то мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ-ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Лазейки логики представляютъ самое обычное оправданіе безнравственности для людей, не лишенныхъ окончательно моральнаго инстинкта. Дѣлая извинительнымъ и даже необходимымъ ошибку, которую мы намѣреваемся сдѣлать, мы ее уменьшаемъ и даже превращаемъ въ правильный шагъ, успокаивая умъ и облегчая сердце. Подъ вліяніемъ привычки мы начинаемъ даже вѣрить въ свою правоту, хотя бы мы ясно нарушали правила самой элементарной справедливости. Такимъ образомъ богатые убѣждены, что осуществляютъ свои права, эксплуатируя

бѣднаго, бѣдный же въ свою очередь думаетъ, что справедливо сорвать съ нихъ, что только можно при всякомъ удобномъ случаѣ. Первые считаютъ второго воромъ съ нѣкоторой основательностью, но съ неменьшимъ основанiемъ второй кидаетъ имъ въ лицо тотъ же эпитетъ. Каждый съ своей стороны считаетъ себя правымъ, и у каждаго есть для этого доводы, поддерживаемые логикой.

Когда мы противопоставляемъ наши аппетиты предписанiямъ морали, томы противопоставляемъ два рода тенденцiй: соцiальное и индивидуальному. Но въ индивидуальномъ существѣ имѣются еще самостоятельныя части, изъ коихъ каждая старается удержать свои права. Тутъ происходитъ то же, что и выше. Болѣе сильная тенденцiя, которая далеко не всегда самая разумная, призываетъ на помощь доводы логики и спасается при помощи своеобразной дiалектики.

Васъ притягиваетъ тотъ или другой предметъ и вы желаете имъ обладать, но его цѣна превышаетъ ваши скромныя средства. Посмотрите, съ какой ловкостью вы устраняете доводы противъ покупки и собираете доводы «за»; смотрите, какъ вы разсѣянно проходите мимо важныхъ доводовъ и какъ вы сосредоточиваете вниманiе на другихъ, хотя бы самыхъ ничтожныхъ! Сначала вы восхищаетесь предметомъ и жалѣете, что не можете его купить, затѣмъ вы говорите себѣ, что подобная покупка—безумiе, но вы уже гдѣ то въ глубинѣ души допускаете, что это безумiе не невозможно. Вы напередъ высчитываете лишенiя, которыми можно было бы компенсировать покупку, не вдаваясь еще въ подробности. Съ другой стороны прiобрѣтенiе драгоцѣннаго предмета, привлекшаго вашу душу, обладаетъ всѣми качествами рѣдкаго случая, который никогда не повторится, и въ этомъ смыслѣ вы приводите множество самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ. Тогда возраженiя, которыя вы было подняли, блѣднѣютъ и наконецъ распадаются передъ дѣтскими аргументами, вами приведенными.

Вы любите женщину недостойную, которая не разъ показываетъ вамъ, что она надъ вами смѣется. Ваша гордость такъ оскорблена, что вы готовы разстаться съ ней немедленно и навсегда, но любовь удерживаетъ васъ, и вы никакъ не можете рѣшиться на разлуку. А знаете-ли, чѣмъ эта вторая сторона прогоняетъ первую? Она разсуждаетъ о красотѣ благородной души, способной забыть зло, и называетъ это прощенiемъ.

Такимъ образомъ, логика всегда приходитъ на помощь, чтобы поддержать одну изъ нашихъ тенденцiй. Какъ бы безнравствененъ или безуменъ ни былъ данный поступокъ, мы имѣемъ постоянно въ нашемъ арсеналѣ рядъ аргументовъ, чтобы помочь намъ совершить его, и удержать повязку на нашихъ глазахъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ разумъ повидимому насъ направляетъ, но онъ ведетъ себя какъ угодливые мужья, которые дѣлаютъ то, чего требуютъ ихъ жены.

Обманчивые доводы не только направляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ наши поступки, они стараются оправдать эти самые поступки a posteriori, чтобы удовлетворить нашу гордость или нашъ эгоизмъ; они служатъ нашимъ наклонностямъ, страстямъ и желаніямъ, они оправдываютъ, когда это нужно, наше расположеніе духа и самыя глубокія и интимныя стороны нашего организма.

Самолюбіе эксплуатируетъ логику обычно. Когда совѣсть указываетъ намъ наши ошибки или просто наши глупости, мы всегда стараемся вывернуться, и обыкновенно наши сосѣди или среда виновны въ нашихъ ошибкахъ или глупостяхъ. Такъ очень часто, когда мы должны быть весьма недовольны собой, мы очень недовольны другими. Особенно женщинъ труднѣе всего успокоить тогда, когда онѣ кругомъ неправы, и много мужчинъ въ этомъ отношеніи хуже женщинъ. «Юпитеръ, ты сердишься? значитъ, ты неправъ». Законодатель сочиняетъ глупые законы, потому что его народъ не требуетъ лучшихъ; педагогъ плохо преподаетъ, потому что его ученики не знаютъ дисциплины; сапожникъ сшилъ плохіе сапоги, потому что у него не было хорошаго инструмента. Дама разбила дорогую вазу и сердится на свою собаку, а если таковой нѣтъ, то на прислугу или на мужа. Господинъ сдѣлалъ ошибку и открываетъ въ своей судьбѣ роковое стеченіе обстоятельствъ; вообще, когда нѣтъ болѣе подходящихъ виновниковъ, мы все сваливаемъ на случай и на преслѣдующую насъ судьбу. Не менѣе изобрѣтательны мы въ оправданіи поведенія, продиктованнаго нашими интересами, хотя бы мы не одобряли его въ глубинѣ самихъ себя. Вамъ одолжили дорогую книгу, и вы бы очень хотѣли удержать ее у себя. Логика приходитъ къ вамъ на помощь и шепчетъ: «Вашъ другъ такъ богатъ и такъ занятъ всякими предметами, что эта книга, давно уж имъ прочитанная не играетъ въ его жизни никакой роли... Онъ о ней, поди, ужъ и забылъ... Я, конечно, отдамъ ему эту книгу при первомъ удобномъ случаѣ... Онъ живетъ такъ далеко... Впрочемъ, дѣло терпитъ; вѣдь онъ знаетъ, что я честный человѣкъ». Дни проходятъ, а книга все остается у васъ. И черезъ десять лѣтъ вы искренно говорите: «Дѣло терпитъ... Я честный человѣкъ», стараясь забыть, что у васъ составилась уже цѣлая библіотека такихъ зачитанныхъ книгъ. Сколько людей, страдавшихъ отъ угрызеній совѣсти, утѣшались фразой вродѣ: «человѣкъ сильный не долженъ заграждать свою жизнь мелкими препятствіями».

Такія же разсужденія мы примѣняемъ къ внѣшнему міру подъ вліяніемъ нашихъ наклонностей всякаго рода. Вы имѣете дѣтей и не хотите вѣрить ни въ ихъ недостатки, ни въ ихъ ошибки, и вы находите тысячу объясненій для оправданія ихъ ошибокъ или извиненія ихъ недостатковъ. Вы принадлежите къ извѣстной партіи и не хотите допустить неудачъ или постыдныхъ поступковъ людей вашей партіи; тогда вы открываете

тонкое происхожденіе у самыхъ черныхъ поступковъ или самыхъ глупыхъ ошибокъ. Вы имѣете вѣрованія, которыхъ вы не хотите трогать, потому что сомнѣніе стѣсняетъ или ломаетъ васъ, тогда вы изобрѣтаете систему или теорію для подкрѣпленія принятыхъ мнѣній, и вамъ кажется, что вы доказываете, тогда какъ вы вышиваете по готовой канвѣ, заранѣе установленной. Иной человѣкъ, который въ обычное время допустилъ бы противорѣчіе, становится упрямымъ, лишь только говорятъ объ извѣстныхъ сюжетахъ. Въ религіи и въ политикѣ половина людей разсуждаетъ неправильно, а другая половина отказывается разсуждать вовсе. Также мы имѣемъ страсти, требующія пищи, и мы употребляемъ все краснорѣчіе для того, чтобы эту пищу доставить. Надо видѣть, какъ нагромождаются намеки вмѣсто доказательствъ, сколько впечатлѣній утилизируется вмѣсто сужденій, чтобы построить логическое зданіе для подкрѣпленія нашей любви, когда она ищетъ раціональнаго основанія. Надо видѣть, при помощи какихъ дедукцій самыя незначительныя дѣйствія, самыя простыя слова и самыя обыкновенныя молчанія сочетаются въ ревнивой душѣ, чтобы стать убѣдительными доказательствами виновности.

Наконецъ, мы имѣемъ желанія, и мы соединяемъ массу элементовъ, чтобы убѣдиться, что вещи пойдутъ по нашему желанію. Такимъ образомъ вѣрятъ тому, на что надѣются, и заранѣе утверждаютъ существованіе истинъ, недоказанныхъ и даже невѣроятныхъ. Не менѣе любопытно констатировать, какъ логика становится послушной, чтобы оправдать наше обычное расположеніе духа или временное настроеніе. Аффекты окрашиваютъ все вырабатываемыя нами идеи. Люди мрачнаго характера всегда найдутъ объективную причину, испытываемого ими неудовольствія и начнутъ сердиться на положеніе вещей, гдѣ все идетъ шиворотъ на выворотъ. Наоборотъ все хорошо въ этомъ лучшемъ изъ міровъ для людей счастливыхъ. Тѣ и другіе открываютъ въ окружающей ихъ средѣ естественную причину печали и радости, которая однако существуетъ только внутри ихъ самихъ.

Психологія сумасшедшихъ почти всецѣло основана на оправдательныхъ разсужденіяхъ. Большая часть сумасшествій начинается измѣненіемъ настроенія и характера, а затѣмъ больной приноситъ свою логику, чтобы объяснить самому себѣ это измѣненіе. Такъ, у меланхолика печаль, подавленность или страхъ являются основаніемъ, и только для того, чтобы оправдать эти явленія больной нагромождаетъ постепенно свои идеи. Можно бы этому привести еще другіе примѣры изъ области психіатріи.

То, что мы называемъ нашими принципами, часто есть выраженіе нашихъ желаній и инстинктовъ, нашихъ глубокихъ тенденцій, искусно замаскированныхъ какой нибудь теоріей. Намъ кажется, что мы разсуждаемъ идеями, тогда какъ мы думаемъ темпераментомъ. Когда мы излагаемъ наше представленіе о

жизни, намъ кажется, что мы судимъ жизнь, но мы судимъ самихъ себя. На всякую систему мыслей химическій составъ нашего организма налагаетъ свою печать, и это условіе показываетъ намъ неизмѣнную ложь философій.

Оптимисты и пессимисты думаютъ, что подводятъ итоги радостямъ и страданіямъ міра, тогда какъ они даютъ только коэффиціенты личныхъ состояній. Не видите ли вы всей нелѣпости оцѣнки вещей, что то-то хорошо, а то дурно? Вѣдь мы живемъ въ нихъ и не знаемъ ничего другого, какъ же можно производить оцѣнку, не имѣя объекта для сравненія? Какъ оцѣнить жизнь, разъ внѣ ея нѣтъ никакой мѣрки, которую можно было бы къ ней примѣнить? Жизнь сама по себѣ ни хороша, ни дурна, но, будучи тѣмъ, что она есть, она всегда лучшая, которая можетъ быть. Но вмѣсто того, чтобы сказать «я нахожу жизнь хорошей или дурной», говорятъ: «жизнь хороша или дурна».

Такъ же безсмысленно заключать своимъ умомъ, заслуживаетъ ли жизнь, чтобы ее жили, или не заслуживаетъ. Общество таково, какъ оно можетъ быть, а жизнь такова, какъ ее сдѣлали. Она ничего не даетъ и ничего не стоитъ сама по себѣ, она ожидаетъ, чтобы ее взяли, и она стоитъ чего нибудь для тѣхъ, которые умѣютъ ею пользоваться. Такъ же всякое общее разсужденіе о цѣнности ея есть пустыя слова: истинно только то, что каждый человѣкъ приноситъ съ собою готовый итогъ своего возможнаго счастья и своего желанія жить, и что въ одномъ и томъ же человѣкѣ сообразно обстоятельствамъ можетъ возникать оптимизмъ и пессимизмъ. Наше состояніе души мы проектируемъ во внѣ, облекаемъ логикой и въ концѣ концовъ принимаемъ за теорію вещей.

Всѣ оправдательныя разсужденія, подъ какими бы вліяніями они ни появлялись, обнаруживаютъ одинаковый механизмъ, который заключается въ эксплуатированіи спеціальной логики, логики аффекта.

Рибо доказалъ, что между логикой аффекта и логикой обычной общее заключается въ разсужденіи. Если существенный характеръ разсужденія есть предпосылка извѣстнаго неизвѣстному или непосредственная операція умозаключенія, то это примѣнимо къ обоимъ логикамъ.

Разсужденіе умственное всегда объективно, обще и безлично, его основаніе въ природѣ вещей, о которыхъ оно говоритъ. Оно преклоняется только передъ внѣшними фактами. Разсужденіе же аффективное наоборотъ субъективно и лично, его основаніе въ самомъ субъектѣ, оно приноравливается къ истинѣ спеціальной, желательнаго порядка, и преклоняется предъ глубокими инстинктами того, кто его эксплуатируетъ и пользуется имъ, какъ инструментомъ. Разсужденіе умственное основывается на представленіяхъ и впечатлѣніяхъ, т. е. на элементахъ чуждыхъ индивидууму, оно слагается изъ сужденій безпристрастныхъ.

Разсужденіе же аффективное покоится на отношеніяхъ, существующихъ между содержаніемъ чувства или мысли и основными тенденціями субъекта, отношеніяхъ, которыя измѣняются вмѣстѣ съ субъектомъ, потому что ихъ исходная точка въ его органической матеріи, въ его душевномъ равновѣсіи, въ условіяхъ его жизни. Разсужденіе умственное имѣетъ цѣлью истину всеобщую, оно направляется къ заключенію. Субъектъ не выбираетъ тутъ употребляемыхъ имъ элементовъ сообразно преслѣдуемой имъ цѣли; наоборотъ, эти элементы дѣйствуютъ на него и обусловливаютъ цѣль. Заключеніе неизвѣстно до самаго конца операцій. Разсужденіе же аффективное стремится къ результату индивидуальному, направляется къ цѣли практической. Субъектъ выбираетъ свои средства въ зависимости отъ преслѣдуемой имъ цѣли, и эта самая цѣль группируетъ элементы и ихъ подчиняетъ. Поэтому заключеніе опредѣлено заранѣе, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ.

Разсужденіе умственное уравниваетъ и систематизируетъ, аффективное же не ищетъ ни единства, ни системы и не обращаетъ вниманія на противорѣчія. Два противоположныхъ инстинкта могутъ существовать рядомъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ, но противорѣчіе существуетъ только объективно, когда разсматривается извнѣ разумомъ, но не субъективно, потому что жизнь чувства оправдываетъ совмѣстное существованіе двухъ противорѣчивыхъ утвержденій, разъ каждое изъ нихъ признано желательнымъ и полезнымъ. Резюмируя, можно сказать, что всякая операція аффективной логики представляется сочетаніемъ предвзятостей, и всякое разсужденіе, основанное на этой логикѣ, заключаетъ нелогичность.

Какъ подъ вліяніемъ какой нибудь страсти мы пристрастно истолковываемъ непосредственныя данныя внѣшняго міра, такъ мы допускаемъ къ сознанію только избранныя идеи, способныя гармонировать съ данной страстью. Стендаль сравниваетъ идеи, группирующіяся въ зависимости отъ аффекта, съ молекулами, которыя собираются въ физическомъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ кристаллизаціи. Всѣ воспріятія отъ окружающей среды, всѣ образы, возникающіе въ нашей памяти, стремятся къ одной оси, и различные элементы располагаются по извѣстному порядку. Все это совершается часто съ удивительной быстротой даже внезапно, когда тенденція стараго происхожденія постепенно подготавливала почву, когда достаточно малѣйшаго толчка, чтобы готовыя идеи сорганизовались въ систему. Сначала страсть даетъ аргументамъ, ею вызываемымъ, необыкновенную рельефность, необычную интенсивность, благодаря исключительному вниманію, имъ удѣляемому, и этого достаточно для объединенія полезныхъ факторовъ. Но для того, чтобы созданная такимъ образомъ система могла существовать, должно удалить враждебныя силы, т. е. серьезные доводы, которые не замедлятъ притти противъ нея. Такимъ образомъ, страсть сначала

вліяетъ положительно на избранные элементы, чтобы изъ нихъ построить софистическую систему, а затѣмъ вліяетъ отрицательно на чужіе элементы, для того, чтобы сохранить и удержать эту систему.

Въ обычное время среди идей, приходящихъ къ намъ, есть такія, которыя мы отбрасываемъ, какъ невѣрныя, и такія, которыя мы принимаемъ, какъ вѣрныя. Но въ данномъ случаѣ идеи принимаются и отбрасываются сообразно съ тѣмъ, подкрѣпляютъ ли онѣ тенденцію или мѣшаютъ ей. Съ одной стороны принимается безъ всякой критики все, что ей благопріятствуетъ, а съ другой исключается все, что ей противорѣчитъ. Съ одной стороны мы видимъ очень хорошо то, что соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ, а съ другой мы не смотримъ вовсе на то, что способно ихъ осудить.

Этотъ обманъ такъ обыченъ, что разсуждать часто значитъ: доказывать то, что мы испытываемъ или желаемъ. Однако хотя это употребленіе логики остается безъ пользы для истины; хотя построить съ помощью логики оправдательныя разсужденія, т. е. оправдывать разумомъ желанія сердца, значитъ обманывать себя, но какъ бы такой маневръ ни былъ далекъ отъ идеала, онъ поддерживаетъ жизнь. На немъ основываются многія изъ нашихъ вѣрованій, а безъ нихъ впору было бы удавиться. Если это такъ, то не будемъ очень требовательны и къ Аристотелевой логикѣ, не будемъ укорять ее въ безплодности, въ томъ, что съ ея помощью мы не достигаемъ ни одной новой истины и часто приходилъ къ обману; вѣдь все равно,

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Конецъ.